

ОПИСАНИЕ ВАСЮГАНСКОЙ ТУНДРЫ.

Н. П. ГРИГОРОВСКАГО.

Давно уже ходили слухи о заселеніи Васюганской тундры крестьянами и эти слухи дошли до Западно-Сибирского Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, который въ 1882 году и поручилъ миѣ изслѣдованіе колонизации Васюганскаго края за послѣднія двадцать пять лѣтъ. И здѣсь, въ той мѣстности, гдѣ уже около пятнадцати лѣтъ я проживаю, были и ходили подобные слухи, что по верховью Васюгана и впадающихъ въ него рѣчекъ, поселились крестьяне изъ российскихъ губерній, старообрядцы-раскольники; будто бы настроили они себѣ селенія, завели пашни и скотину, и живутъ тайно, предаваясь своему фанатическому богомолью. Были слухи, что они дома свои строятъ подъ землею, въ родѣ остицкихъ карамо, но что и въ этихъ карамо, еще ниже подъ землею, у нихъ устроены ходы, чтобы удобнѣе уйти и спастись отъ преслѣдованія властей, если бы это имѣ понадобилось по обстоятельствамъ, и что нѣкоторые изъ инородцевъ-промышленниковъ иногда случайно заходили въ такія ихъ жилища, но всегда находили ихъ пустыми, а жителей всѣхъ укрывшимися въ ихъ подземныхъ ходахъ.

Слухи о подобныхъ тайныхъ заселеніяхъ ходятъ и здѣсь между инородцами Чайнской волости, что нѣсколько подобныхъ подземныхъ селеній выстроены раскольниками въ верховьяхъ притоковъ рѣки Чай, рѣчекъ Нюрсы, Парбиги и Андармо, что случалось нѣкоторымъ инородцамъ-промышленникамъ въ одиночку натыкаться на такія селенія, что крестьяне принимали ихъ, кормили, снабжали хлѣбомъ на дорогу. Но когда эти же инородцы заходили къ нимъ въ другой разъ, то находили жилища ихъ пустыми, т. е. не находили ни одного жителя, хотя по всѣмъ признакамъ видно

было, что тутъ недавно, даже сегодня, были люди. А посѣщенія въ третій разъ всегда оканчивались смертю посѣтителей. Были примѣры, что инородцы-промышленники, сегодня ушедшіе изъ своего стана, не возвращались и даже совсѣмъ пропадали, и всѣ поиски за ними оставались напрасными. Такъ, около пяти лѣтъ назадъ, инородецъ Чайнской волости юртъ Кинджаровыхъ Егоръ Павловъ Аландинъ на промыслѣ ушелъ изъ стана съ собакою черезъ рѣчку, осенью еще до снѣгу, и не возвратился ни онъ, ни собака. Жена и братья на другой день бросились за рѣчку, искали и не нашли никакихъ слѣдовъ ни Егора, ни собаки. Дали знать волостному инородческому старостѣ, были согнаны на поиски люди, искали и никакихъ слѣдовъ не нашли. Очень могло случиться, что онъ убитъ подобными тайными поселенцами, какъ догадываются и саміи инородцы. И такихъ примѣровъ въ послѣдніе годы случается не мало.

Но это только слухи, по всѣмъ видимостямъ вѣроятные, но справедливы ли они? Если нельзѧ поручиться за справедливость подобныхъ слуховъ по Чайнской волости за 500—600 верстъ отъ моего жительства, то тѣмъ болѣе невозможно поручиться за справедливость разсказовъ о верховьяхъ Васюгана за 2500 и болѣе верстъ. О справедливости этихъ слуховъ можно судить только, побывавши поближе къ этимъ мѣстностямъ, а гораздо лучше, посѣтивши ихъ. Поэтому я и принялъ на себя порученіе Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, какъ членъ-сотрудникъ онаго, имѣющій жительство къ Васюгану ближе другихъ сочленовъ.

Около 15-го іюля, получивъ пособіе отъ Отдѣла, я собрался въ путь, взявъ съ собою нужныя вещи и даже теплую одежду на случай, если бы захватила меня въ пути осень и даже начало зимы. Прибывъ въ городъ Нарымъ 22-го іюля, мнѣ нодобно было запастись для себя и для людей, которыхъ я предполагалъ взять съ собою, провизіе по крайней мѣрѣ мѣсяца на два. Здѣсь на-нялъ я одного провожатаго мѣщанина Александра Смирнова, какъ человѣка бывшаго не однажды въ Васюганѣ, сплавлявшаго разъ пять барки съ казеннымъ хлѣбомъ до Айоловскаго магазина, и

немногого знающаго языкъ тамошнихъ инородцевъ. Онъ могъ служить мнѣ и для личныхъ услугъ и замѣнить кормилица въ случаѣ, если бы въ дальнѣйшемъ пути оказался недостатокъ въ людяхъ. Надобно было запастись еще крытою лодкою, чтобы въ случаѣ дождя и нечастной погоды она могла бы защищать меня, но подобной лодки въ Нарымѣ не нашлось. Находились купеческіе каюки, но очень велики, на которые кромѣ кормилица еще нужно было гребцовъ, и мнѣ оставалось по сорѣту нѣкоторыхъ людей вѣхать въ открытой лодкѣ до села Каргасока и тамъ взять лодку у Леонида Сушкова, или Федора Рождественскаго, или, въ случаѣ неимѣнія у нихъ подходящихъ лодокъ, добраться до первыхъ въ Васюганѣ юртъ Югиныхъ, гдѣ дѣлаются подобныя остиація лодки. Тамъ же въ Каргасокѣ, или юртахъ Югиныхъ, я могъ найти и нанять людей, бывавшихъ въ Васюганѣ и могущихъ сопровождать меня въ дальнѣйший путь.

Отъ Нарима внизъ по Оби земская гоньба производится подрядными ямщиками, потому мнѣ по открытому листу отъ г. засѣдателя безъ задержки можно было добраться до села Каргасока. По самому же Васюгану такой подрядной гоньбы нѣть, а все земская гоньба производится мѣстными жителями инородцами. Эти инородцы особенно въ лѣтнее время постоянно отлучаются изъ юртъ, то за промысломъ рыбы, то на промыселъ звѣря, то еще по разнымъ случаямъ, и юрты остаются совершенно пустыми, такъ что не только ямщикъ или лодки, но даже и самаго провожатаго достать невозможно. Официальная административная и полицейская распоряженія посыпаются изъ Нарима до села Васюгана единственно съ попутчиками. Пріѣхать изъ села Васюгана священникъ, или псаломщикъ за жалованьемъ, пріѣхать церковный староста, или вахтеръ хлѣбныхъ магазиновъ съ отчетами, пріѣхать инородческій старшина для сдачи ясака, или для получения на свою волость пороха и свинца,—вотъ и всѣ попутчики; чрезъ нихъ и отправляется изъ Нарима и официальная и вся частная корреспонденція. Даже мнѣ самому случилось увезти до села Васюгана три пакета. Слышалъ я во время своего проѣзда, что однажды лѣтомъ, во время сѣнокоса, инородцы везли по Васюгану нароч-

наго отъ г. засѣдателя, смынья почти на каждой верстѣ, гдѣ только прилучатся на покосъ люди, такъ что на одномъ станкѣ ямщики смынялись разъ до двадцати. И каждый разъ при смынѣ нарочному нужно было ждать, когда новые ямщики нальются чаю или сварятъ котель рыбы и найдутся, за чѣмъ обыкновенно проходило не менѣе полутора часа на каждой смынѣ. Въ заключеніе же, не дойдя до станка верстъ пять, передъ утромъ, когда пасажиръ разоспался, ямщики пристали къ берегу и разбудили нарочного, объясняя ему, что прѣѣхали на станокъ и остановились противъ дома старшины. Нарочный, соскочивъ со сна, вышелъ на берегъ съ своею сумкою, и, каково же было его удивленіе, когда онъ очутился въ густомъ лѣсу на берегу, а ямщики, привезшіе его, спокойно отчалили отъ берега и отправились на другую сторону рѣки. На крики нарочного они не отзывались и такъ скрылись въ сумракѣ сѣрѣвшаго утра. У несчастнаго волосы стали дыбомъ, онъ уже считалъ себя жертвою медвѣда, но по счастію онъ попалъ на лѣсную тропинку, которая привела его къ стану старшины. Тутъ старшина косилъ и ставилъ сѣно съ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ женщинъ и дѣтей. Объяснившись, и уже самъ старшина довезъ нарочнаго до юрты въ маленькой лодочкѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, очень немудрено, что нарочный изъ Нарымы, дойхавъ только до села Васюгана, можетъ воротиться въ Нарымъ не ранѣе трехъ мѣсяцевъ. И хотя отъ Нарымы до села Васюгана считается зимнею дорогою около 500 вер., но на самомъ дѣлѣ водою, при чрезвычайно извилистомъ, и вообще зигзагами теченіи рѣки Васюгана, непремѣнно будетъ до 800 или 900 верстъ.

Поиски лодки и заготовленіе запаса продержали меня въ городе Нарымѣ, откуда я выѣхалъ 26-го іюля и 27-го около полудня дойхалъ до дер. Ильиной, а 28-го къ вечеру до села Каргасока. Въ Каргасокѣ получиль свѣдѣніе, что по Васюгану въ рѣкѣ людей вообще мало, и необходимо было для безостановочнаго слѣдованія впередъ нанять своихъ людей и запастись лодкою. Здѣсь мню былъ еще прияннятъ одинъ крестьянинъ за двадцать пять руб. въ мѣсяцъ, тѣмъ болѣе, что пора была покосная и въ тай-

гахъ, прилегающихъ къ Нарыму, уже поспѣвали орѣхи, добыча которыхъ могла дать каждому рабочему отъ 30 до 40 руб. въ мѣсяцъ. Подходящей лодки невозможно было найти, а потому мнѣ пришлось взять простую ямскую лодку до юрты Тингунака, гдѣ уже начинается подводная инородческая гоньба по Васюгану. 29-е іюля было проведено въ Каргасокѣ, а 30-го утромъ, часовъ около 10-ти, я попалъ въ Тингунакъ. Здѣсь всего только три избушки на остыцкій манеръ и, какъ разъ, ямщики, слѣдующіе въ Васюганъ, въ эту ночь увезли изъ Нарымы вахтера васюганскаго хлѣбнаго магазина. Мнѣ же приходилось, или дожидать возвращенія ямщиківъ, или нанять двухъ человѣкъ съ лодкою, чтобы они при помощи моихъ людей довезли меня до юрты Югиныхъ, на разстояніи около 50 верстъ и противъ теченія и быстрины Васюгана, тѣмъ болѣе, что здѣшнимъ жителямъ было уже известно, что въ Васюганѣ, отъ бывшаго всю весну и лѣто ненастья, вода была очень большая и теченіе быстро.

Лодку здѣсь нашли большую и тяжелую, для которой, кромѣ кормщика, необходимо было покрайней мѣрѣ три гребца. Нанявши здѣсь двоихъ остыковъ до юрты Югиныхъ, около 4-хъ часовъ пополудни поѣхали далѣ. День былъ ясный, уже четыре дня погода стояла хорошая. Къ 7-ми часамъ мы дойхали до проточки нальво по теченію Оби, которая чрезъ чврь и рѣчку Магильку соединяетъ съ Васюганомъ и гдѣ обѣзѣдѣ короче, такъ какъ до устья Васюгана надобно было ъхать еще около 18 верстъ внизъ по Оби. Отъ устья же до соединенія Магильки съ Васюганомъ разстоянія болѣе, нежели ъзда проточкою, чвромъ и Магилькою, слѣдовательно тутъ дорога сокращалась не менѣе, какъ на 15 верстъ. Только возникло сомнѣніе, можно ли проѣхать проточкою до чвра, такъ какъ въ концѣ проточки бываетъ мелко, но остыки-гребцы объявили, что проѣхать можно, и даже вчера одинъ изъ нихъ проѣхалъ тутъ на обласкѣ. Такъ и порѣшили ъхать этою ближнею дорогою, а въ случаѣ мелководья пропашть лодку волокомъ. Когда проѣхали проточкою уже версты три, стало мелко, и ямщики, и мои люди должны были выйти изъ лодки и по колѣна въ водѣ тащить ее. Не смотря на усиленія ихъ, лодка вязла въ илистомъ днѣ про-

точки и на чрезмѣрныя усиїа ихъ она подавалась только на какой либо аршинъ впередъ, а протащить надобно было покрайней мѣрѣ саженъ двадцать. Болѣе часа возились тутъ, наконецъ выбрались съ мели и вѣхали въ чвръ.

Ночь была ясная, спать было невозможно при постоянной греблѣ весель, а потому, рѣшившись уснуть уже по приѣздѣ въ юрты Югина, я сталъ разговаривать съ ямщиками инородцами на ихъ языке. Отъ разговора о ясномъ небѣ, мы перешли къ разговору о звѣздахъ. На спросъ мой о созвѣздіи Лося они мнѣ рассказали легенду почти сходную съ верховскими инородцами, какъ тунгузъ, самойдѣ и остыкъ на промыслѣ преслѣдовали лося, что остыкъ воротился въ станъ за котелкомъ, чтобы варить лосиное мясо, съ котелкомъ догналъ своихъ товарищъ и, опередивъ самойда, сталь между нимъ и тунгузомъ, какъ тунгузъ сталъ требовать отъ своихъ язовъ, чтобы они дали бы ему убить лося, и тогда лоси должны были бы водиться въ землѣ тунгузовъ, какъ онъ хотѣлъ по убіеніи лося обернуться и убить своею палмбю бѣжавшихъ за нимъ товарищѣ, какъ остыкъ отстранился вправо, пустилъ стрѣлу въ лося и убилъ его, и какъ послѣ этого всѣ они: тунгузъ, остыкъ, самойдѣ и лось мгновенно были перенесены на небо и сдѣлались звѣздами (созвѣздія Лося). Потомъ они рассказали мнѣ, что повыше Лося есть три звѣзды, которая у нихъ называются „пряслицею лося“, но почему имъ дано такое название, никто изъ нихъ не могъ объяснить мнѣ. Изъ чвора мы вѣхали въ рѣчку Магильку и по ней къ полуночи добрались до запоровъ, гдѣ инородцы промышляютъ рыбу. Рѣчка Магилька узка, не болѣе шести саженъ, по берегамъ ее растетъ тальникъ, а потому тутъ, въ лѣсной мѣстности, множество комаровъ и мы принуждены были и на лодкѣ развести курево. У запоровъ мы остановились согрѣться и напить-ся чаю. Здѣсь мы нашли до 10 лодокъ васюганскихъ остыцкихъ семействъ, которые расположились на берегу своими лѣтними берестянными станами и ловятъ и сушатъ рыбу, въ ожиданіи, когда поспѣютъ орѣхи. Въ самомъ Васюганѣ, и въ особенности выше села Васюгана орѣхи не уродились, а потому тамошніе жители и выплыли сюда въ лодкахъ для сбора орѣховъ въ тайгахъ по Оби

близь Нарыма. Здѣсь мы осматривали, какъ на рѣшеткахъ сушать порсъ, и даже насы угощали остыцкимъ произведеніемъ „варка“, сдѣланымъ въ родѣ пастилы изъ рыбныхъ потроховъ. Она сбита, рассечена въ палецъ толщиною и нарѣзана ремешками, затѣмъ на рѣшеткахъ поджарена въ рыбьемъ жиру, но только приготовлена безъ соли, а потому безвкусна, а между тѣмъ остыки ёдятъ ее съ наслажденіемъ. Налившись чаю и погрѣвшись у огня, мы поѣхали дальше и черезъ полчаса вѣхали въ рѣку Васюганъ.

Въ Васюганѣ дѣйствительно вода была высока, такъ что прибрежный тальникъ аршина на два былъ затопленъ водою, и быстрая была довольно сильная, такъ что трое гребцовъ и кормщикъ едва могли справляться съ лодкою. По правому берегу противъ теченія Васюгала ростетъ тальникъ, осинникъ, березникъ, частію пихтовникъ и ельникъ, а по лѣвому берегу черный кедровый лѣсъ. Близь юртъ Югинахъ этотъ лѣсъ года три назадъ выгорѣлъ и югинскіе жители спаслись отъ пожара только тѣмъ, что прорыли большой ровъ и не дали огню распространиться дальше. Около 2-хъ часовъ пополудни 31-го іюля мы добрались уже до юртъ Югинахъ.

Здѣсь въ юртахъ всего пять избушекъ, выстроенныхъ на ма-нерѣ крестьянскихъ — деревенскихъ, только безъ дворовъ. Одинъ изъ нихъ даже двухъэтажный, принадлежащий крестьянину Ивану Федулову, принятому съ малолѣтства здѣшнимъ остыкомъ, богачемъ, и женатому на русской крестьянкѣ. И самъ Иванъ, и жена его болѣе походятъ на остыковъ и по жизни и по обиходу въ домѣ, а дѣти его взрослые два сына и дочь даже не умѣютъ говорить по русски, такъ какъ взросли между инородческими ребятишками и переняли отъ нихъ съ малолѣтства и языки, и всѣ инородческие обычай. Порядокъ въ его, уже почти разрушающемся, домѣ ведется на половину русскій, а на половину инородческій; а дѣти сыновья уже не изъявляютъ желанія жениться на русскихъ, и дочь выходить за русскаго, и поэтому, мнѣ кажется, что лѣтъ черезъ 5 или 6 эта единственная въ Васюганѣ семья русскихъ обратится въ инородческую. Здѣсь привелось мнѣ провести два дня, такъ какъ нужно было, или пріобрѣсти, или окортомить

крытую лодку, удобную во время ненастья, и панять на всю дорогу третьего человека, такъ какъ по слухамъ изъ верховьевъ Васюгана вся люди разъѣхались внизъ къ Оби для сбора орѣховъ, и нѣсколько лодокъ ихъ мы видѣли въ рѣчкѣ Магильѣ у запоровъ. Здѣсь, въ юртахъ Югинихъ, на берегу строится много остатковъ крытыхъ лодокъ, необходимыхъ для ихъ водяныхъ поѣздокъ, и тутъ же мы нашли и окортомили до возвращенія назадъ лодку, довольно ходкую и удобную для моего путешествія, только надобно было ее прокопопатить, осмолить и сдѣлать пѣкоторыя исправленія, смотря по нуждѣ нашихъ удобствъ. Пока исправлялась лодка, необходимо было имѣть въ неї и пологъ для защиты отъ комаровъ, и мнѣ приготовили, спили и поставили въ носовой части лодки удобный пологъ, куда ни одинъ комаръ не имѣлъ возможности проскользнуть. Пока все это готовилось мнѣ необходимо было осмотрѣть озеро Пѣрель-ту и притежація къ нему озера, и второй день пребыванія моего въ юртахъ Югинихъ былъ посвященъ мною для осмотра этихъ озеръ, находящихся отъ юртъ какихъ нибудь въ двадцати пяти верстахъ.

Взявъ съ собою хозяина моей квартиры Ивана Федулова и одного изъ Югинскихъ остатковъ, у которого верстахъ въ двухъ въ лѣсу была лодка, утромъ рано 2-го августа мы отправились къ озеру. Сначала къ сѣверу отъ юртъ прошли тальникомъ, а потомъ около двухъ верстъ хвойнымъ кедровымъ лѣсомъ, и дошли до низкаго мѣста, покрытаго водою, вслѣдствіе бывшаго всю весну и лѣто нечастья и сильной прибыли воды въ Васюганѣ, разливомъ котораго затонило вся низменности. Тутъ мы нашли лодку и въ ней уже поѣхали къ озеру по направлению на сѣверо-западъ. Бѣхали почти все лѣсомъ, который былъ затопленъ водою аршина на полтора, иногда и менѣе. Проѣхавъ такъ по лѣсу верстъ около восемнадцати, мы добрались до покатой возвышенности, имѣющей склонъ на востокъ, и опять версты двѣ шли пѣшкомъ, тогда дошли до озера Пѣрель-ту съ юго-восточной стороны. Само озеро имѣетъ фигуру эллипса, съ одной стороны съуженаго и загнутаго, длиною оно верстъ до десяти, а шириной отъ трехъ до шести верстъ. Въ немъ водится много рыбы: щуки, язей и окуня, а близъ него

расположены пять маленькихъ озеръ, также обильныхъ рыбью, прямо же отъ него на востокъ верстахъ въ двухъ есть безъимянное озеро, которое соединяется съ озеромъ Пѣрель-ту проточкою, а изъ этого безъимянного озера идетъ на востокъ извилистая проточка въ рѣку Васюгань. Между Пѣрель-ту и безъименнымъ озеромъ, въ полуверстѣ на сѣверъ, въ глухомъ мѣшканомъ лѣсу на четырехъ столбахъ поставленъ довольно вѣтхій маленький амбаръ сажени въ двѣ длины и въ сажень ширины. Амбаръ этотъ безъ оконъ, съ низенькою дверью, къ которой идетъ съ земли вѣтхая уже лѣстница. Хозяинъ мой, Иванъ Федуловъ, объяснилъ мнѣ, что этотъ амбаръ построилъ его дѣдъ, отецъ его приемнаго отца, и имѣлъ тутъ своихъ лѣзовъ (духовъ), да и въ настоящее время въ этомъ амбарѣ хранится одинъ лѣзъ (истуканъ языческій, кукла), которому близкіе окрестные жители приносятъ подарки, или жертвы, а въ весеннеѣ время собираются сюда съ своими подарками лѣзу, закалываютъ въ честь его молодаго быка, или жеребенка, ёдятъ его въ честь лѣза и пьютъ привезенное съ собою вино. Каждый годъ кто либо изъ инородцевъ, богатый ли, бѣдный ли, обязывается по очереди доставить сюда животное для жертвы, а вино и подарки лѣзу привозятъ каждый участвующій. Вошли по лѣстницѣ въ амбаръ, мы увидѣли въ одномъ углу направо, на прикрѣпленной треугольной полочкѣ истуканъ лѣза до трехъ четвертей вышиною, просто деревянный, грубо обтесанный чурбанъ, лицо, глаза, носъ и ротъ означены зарубками и одѣтъ этотъ лѣзъ въ холщевую-крапивную рубашку. Руки у него нѣтъ, только болтаются рукава рубашки, посаженъ этотъ истуканъ на полочекѣ, а низъ рубашки свѣился съ полочки. Къ этому углу, повыше истукана, къ потолку прикрѣплено нѣсколько жердей и на нихъ развѣшаны подарки лѣзу: нѣсколько платковъ, аршина по два разнаго ситцу, ленточки, тесемочки, ремешки, шкурки бѣлокъ горностаевъ и колонковъ, въ углу подъ истуканомъ лежатъ двѣ шкуры лисицъ и одна оленя голова съ рогами. Пахнетъ въ амбарѣ сыростью. Осмотрѣвъ въ подробности все это, мы снова затворили амбаръ и отправились въ обратный путь въ юрты Югини. Обратный путь былъ для насъ не очень счастливъ, на половинѣ

дороги насть засталъ дождикъ и довольно сильный, а надо былоѣхать, потому что спастись отъ дождя было некуда, и мы уже въ сумеркахъ, промокшіе до костей, прибыли въ юрты. Всю ночь шелъ дождь, хотя не очень сильный.

3-го августа около полудня, когда дождь немного пересталъ, мы поѣхали изъ Югинихъ въ юрты Маргина. Во всю дорогу былъ сильный дождь и сильный, прибойный вѣтеръ съ юго-запада. Гребцы мои измучились до нѣлья, промокли отъ дождя, перемерзли отъ сильного, холоднаго вѣтра, и едва, едва къ разсвѣту 4-го августа мы попали въ юрты Маргина. Юрты расположены на правомъ берегу рѣчки Пассау, впадающей въ Васюганъ съ правой стороны теченія его, верстахъ въ восьми отъ устья ея. Онъ состоятъ изъ трехъ жалкихъ избушекъ безъ печей. Печи здѣсь замѣняютъ чуvalы въ углу, ближе къ двери, умазанные глиною, гдѣ дрова ставятся стоймя, какъ въ каминѣ, и гдѣ подвѣшиваются котелки и чайники, для варенія пищи и кипяченія чаю. Труба чуvalа, выведенная вверхъ, ничѣмъ не закрывается, а потому въ избѣ всегда бываетъ, или холодъ, или дымъ отъ разложенія въ чуvalѣ огня. Не знаю, какъ въ этихъ избахъ здѣсь живутъ они зимою. Когда мы приѣхали, еще только наставало утро и инородцы всѣ спали богатырскимъ сномъ, по своей природной привычкѣ проспать до полудня. Чуvalа еще нигдѣ не топилось, обогрѣться было рѣшительно негдѣ. На берегу иль и страшная грязь отъ бывшаго и еще непереставшаго дождя. Едва взобрались мы на высокій берегъ, запали въ одну избу и разбудили хозяевъ. У всѣхъ моихъ гребцовъ зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ. Надобно было обогрѣться и обсушиться. Когда былъ разведенъ въ чуvalѣ огонь и подвѣшенъ дорожный нашъ чайникъ съ водою и пріятная теплота разлилась по комнатѣ, хотя наполненній дымомъ, то мои гребцы сняли съ себя мокре платье, и развѣсили его тутъ же для просушки. Потомъ одинъ изъ нихъ сходилъ провѣдать лодку, не попали бы туда собаки, которыхъ въ каждыхъ юртахъ множество, и не добрались бы до нашихъ запасовъ, заперъ лодку дверями, приставилъ каждую дверь досками и принесъ намъ въ избу чайный запасъ и кусокъ солонины для приготовленія обѣда. Налившись

чаю и поставивъ вариться обѣдъ, мои гребцы залегли на нары на отдыхъ, такъ какъ не спали и мерзли на дождѣ и вѣтре цѣлую ночь.

Не желая прожить цѣлые сутки въ дыму отъ огня чуvalа, который совершенно выѣдалъ глаза, я рѣшился панять здѣсь трехъ человѣкъ гребцовъ, чтобы довести насть до юрты Наунака, можетъ быть, тамъ найдется хатка поудобнѣе, безъ сквознаго вѣтра и задушающаго дыма. Хозяина избы согласился довезти насть и напелъ себѣ еще одного товарища, а въ корму рѣшилъ посадить свою dochь дѣвочку лѣтъ пятнадцати, увѣряя, что она отличный кормщикъ. Я разбудилъ Смирнова, тѣмъ болѣе, что обѣдъ напѣтъ уже поспѣвалъ, онъ разбудилъ другихъ, пообѣдали по остаткамъ на нарахъ и отправились въ лодку. Гребцы мои забрались въ кормовую часть лодки, гдѣ на доскахъ для нихъ было наложено сѣно и постланъ войлокъ, и укрывшись тулурами, завалились спать. Новые гребцы сѣли въ греби, дѣвочку посадили въ корму и поѣхали до Наунака. Дождя сильнаго не было, а моросилъ дождь осенний мелкій и частый, но все-таки, хотя сносно мочилъ моихъ гребцовъ. Я же въ своей носовой части лодки прилегъ, такъ какъ сѣсть было въ ней невозможно, она была низка, и тоже заснуль, такъ какъ ночью спалъ очень мало, все еще не могъ привыкнуть къ всплеску весель и къ ударамъ ихъ въ упорины лодки и въ дымной избѣ юрты Маргинихъ рѣшительно не могъ ни писать, ни сосинуть.

Проснулся я уже часовъ въ 5 вечера, дождь крупными каплями билъ въ крышу моей лодки. Спрашиваю, далеко ли уѣхали? отвѣчаютъ: недавно проѣхали половину. Посмотрѣлъ въ дверь лодки, по берегамъ черный кедровый лѣсъ, волны сильно бьютъ лодку въ берегу, дождь льетъ на моихъ гребцовъ, кормщикъ—дѣвушка то и дѣло вычерпываетъ воду, скопляющуюся отъ дождя въ кормѣ. Почти свѣта Божьяго не видно, а еще осталось до юрты около 15 верстъ, если половину только недавно проѣхали, да и что толку въ юртахъ, если къ нимъ и выйти за грязью невозможно, а если и выйдемъ, то дымъ выѣстъ глаза. Нечего дѣлать надобно лежать въ лодкѣ, терпѣть до станка, да еще благодарить

Бога, что по милости крѣтой лодки дождь не превратилъ мечу самаго въ мокрую курицу. Кое-какъ часамъ къ 11 ночи мы до-тащились до Наунака. Юрты стоять на лѣвомъ крутомъ берегу Васюгана и состоять изъ четырехъ такихъ же жалкихъ лачужекъ съ чувалами вмѣсто печей. Выти изъ лодки на берегъ оказалось очень труднымъ и по темнотѣ ночи и по скользкой отъ дождя тропѣ, и я приказалъ Смирнову согрѣть, гдѣ нибудь, у чувала для меня чай и принести его сюда въ лодку, а для себя мои гребцы пусть приготовятъ и ужинъ.

Мои гребцы и ямщики, везшие меня до Наунака, пошли на берегъ въ юрты, а я остался въ лодкѣ, въ темнотѣ, въ ожиданіи чая. Прошло около часа, пока юрточные жители были разбужены, развели въ чувалѣ огонь и вскиптили чай. Смирновъ принесъ чайникъ мнѣ въ лодку и мы вмѣстѣ съ нимъ нацелились чаю въ моей носовой части лодки, въ ипотемкахъ, въ полулежачемъ положеніи. Нечего дѣлать, жаль, что не взяли фонаря и свѣтъ, а тутъ до самаго села Васюгана этихъ вещей достать рѣшительно негдѣ. Напившись чаю, я послалъ Смирнова въ юрты ужинать съ прочими гребцами, также покормить и ямщиковыхъ, вѣзшихъ насъ изъ Маргинихъ, а самъ рѣшился провести ночь тутъ въ лодкѣ. Между тѣмъ дождь шелъ все сильнѣе и сильнѣе, черезъ часъ пришли мои люди и улеглись въ кормовой части лодки, и я, убаюкавшись мѣрными ударами дождевыхъ капель въ крышу лодки, вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

5-го августа я проснулся когда еще свѣтало, разбудилъ людей, чтобы грѣли чай и собирались въ путь. Чрезъ полчаса я вышелъ изъ лодки, едва взобрался на берегъ по скользкой тропѣ и то съ помощью палки, пошавшейся мнѣ тутъ случайно, и нашелъ своихъ людей въ дымной курной избушкѣ. Тутъ мы расположились пить чай на нарахъ, вокругъ маленькаго столика четверти въ полторы вышины, какіе обыкновенно употребляются инородцами въ ихъ промысловыхъ путешествіяхъ. Между тѣмъ ходили избы принесъ десятка три свѣжихъ карасей, вчера только изловленныхъ, и предложили намъ сварить для насъ изъ нихъ обѣдъ. На это предложеніе нельзя было не согласиться, тѣмъ болѣе, что

соленое мясо намъ уже надоѣло. Мы отобрали съ десятокъ по крупнѣе и, сваривъ, позавтракали ими.

Позади Наунака простирается хвойный кедровый лѣсъ. Въ этомъ лѣсу, въ прогалинахъ много мелкихъ озеръ, гдѣ местные жители добываютъ карасей и мелкую белую рыбу: щукъ, окуней, плотву и ельца. Изъ вяленыхъ на солнцѣ плотвы и ельца и поджаренныхъ на медленномъ огнѣ, местные жители приготовляютъ порсь, который въ свѣжемъ видѣ и хорошо приготовленный напоминаетъ собою вкусъ копченыхъ сельдей.

Вообще по Васюгану, начиная съ первыхъ юртъ Югинихъ, въ каждомъ юртахъ, какъ и по верховью Оби между инородцами, видишь на берегу заготовленныя сушниковыя дрова, сложенные стоймъ кострами. Это весною во время разлива рѣки несетъ по водѣ множество валежника, который въ каждомъ юртахъ ловится собственно женщинами—инородками и складывается въ такие костры. Мужчина-инородецъ не возмется за такое низкое ремесло, какъ добыча и рубка дровъ, почитая себя потомкомъ прежнихъ богатырей и промышленникомъ. Убить лося, оленя, убить медведя одинъ на одинъ,—онъ считаетъ дѣломъ, достойнымъ рукъ своихъ и труда, но заготовить и нарубить дровъ, онъ почитается для себя низкимъ. Даже въ морозную зиму, когда въ домѣ нѣть ни полыни дровъ и нечѣмъ затопить чувалъ, чтобы согрѣться, женщина или девка-инородка беретъ съ собою наручу и идетъ на лыжахъ въ лѣсъ, чтобы привезти дровъ. Дрова эти тоже никогда не изрубятся сразу и не складутся въ полынницу, какъ это дѣлается у русскихъ, но хозяйка дома всегда съ вечера нарубить изъ костра на истопку дровъ и принесеть въ избу, чтобы завтра они были готовы.

У обскихъ инородцевъ избы почище, поопрятнѣе, и въ каждой изъ нихъ есть русская печь, гдѣ можно испечь хлѣбъ, или сварить что-нибудь. Въ Васюганѣ же избы меныше, грязнѣе и вмѣсто печи всегда въ углу у входной двери чувалъ. Берется толстое дерево, аршина полтора или два въ диаметрѣ, съ него сдирается кора и, когда уже эта кора высохнетъ и приметъ фигуру полу-круга въ диаметрѣ, тогда ее ставятъ въ избѣ въ углу; вверху, въ

потолкъ, вырубается отверстіе, куда вставляется конецъ высохшей древесной коры четверти на три для выхода дыма: вотъ и чувалъ. Внизу чуваля сбивается глиняный очагъ, гдѣ разводится огонь, а вся внутренность чуваля по древесной корѣ густо и толсто на-мазывается глиною, чтобы кора не могла загорѣться. На бокахъ же древесной коры чуваля дѣлаютъ нѣсколько зарубокъ, на которые на палкѣ привѣшиваются котелокъ или чайникъ. Тутъ же предъ огнемъ чуваля васюганскіе инородцы пропекаютъ на шашлыкѣ или вертелѣ, свой прѣсный хлѣбъ-скорошѣлку. Для печенія же настоящаго кислаго русскаго хлѣба у нихъ въ каждыхъ юртахъ устраивается на особомъ срубѣ русская глинобитная печь просто на улицѣ. Эта печь безъ трубы и имѣть только одно устье, куда кладутся дрова; въ это же отверстіе выходитъ и дымъ. Когда дрова перегорятъ и останутся угли, то эти угли сгребаются въ задъ печи, а въ переднюю половину ея садятъ хлѣбъ, потомъ закрываются отверстіе деревянною доскою и даютъ испечься хлѣбу.

Около 9 часовъ утра мы пустились изъ Наунака до Усть-Чижапки. Васюганъ тутъ течетъ очень извилисто, и эти то извилины здѣшніе инородцы называютъ мучами. Иногда эта извилина или мучъ, загибается въ сторону, тамъ идетъ тоже множествомъ плесовъ и зигзаговъ. Ёдешь этими зигзагами верстъ шесть и болѣе, и приѣзжаешь почти къ тому же мѣсту, гдѣ начинается загибъ, между тѣмъ отъ начала этого загиба до конца, если бы протащить лодку волокомъ, будетъ разстоянія не болѣе пятидесяти, или ста саженъ. Изгибъ же теченія не такой большой называется просто плѣсомъ. Здѣшніе инородцы и все разстояніе по рѣкѣ Васюгану мѣряютъ этими „мучами“ и плѣсами. Спросите ямщики, сколько еще осталось ёхать до станка? и онъ вамъ отвѣтитъ: „три мучъ да восемь плѣсъ“. И эти три мучъ да восемь плѣсъ едва ли укладешь въ наши 25—30 верстъ. Зимняя дорога здѣсь едва ли не на двѣ трети короче лѣтней, потому что она прокладывается прямо, изѣгая всѣ эти „мучи“ и „плѣсы“ и идетъ гдѣ берегомъ, а гдѣ и рѣкою; лѣтомъ же необходимо ёхать рѣкою и поневолѣ приходится огибать всѣ эти муки и плѣсы, а потому вмѣсто ста саженъ и ёдешь пять или шесть верстъ. Гдѣ зимнею

дорогою считается десять верстъ, тамъ водою лѣтомъ непремѣнно проѣдешь сорокъ пять верстъ.

Всю дорогу опять моросиль мелкій дождикъ и дулъ навстрѣчу съ юго-запада сильный вѣтеръ. Около трехъ часовъ по полудни стало облачно, дождь пересталъ и выглянуло солнышко. Ямщики утомились и стали прискивать мѣсто гдѣ-нибудь на песочекъ, чтобы сварить чай, или обѣдъ; но песочка нигдѣ не было видно. Весь прибрежный тальникъ былъ въ водѣ аршина на полтора и болѣе, поэтому заботу о желудкѣ необходимо было отложить до отысканія удобнаго мѣста. Наконецъ часовъ около семи нашли мы одинъ песочекъ за вѣтромъ, гдѣ действительно можно было напиться чаю и приготовить уже ужинъ, а не обѣдъ. Колумбъ, завидя Америку, я думаю, не болѣе нашего радовался, когда мы завидѣли этотъ песокъ. Подѣхавши къ нему, причалили и вышли на берегъ. Гребцы тотчасъ же принялись собирать костеръ и раскладывать огонь, чтобы приготовить чай и сварить ужинъ, а я принялъся ходить взадъ и впередъ по этому песочку. Нужно было расправить свои члены, недвижимое лежанье въ лодкѣ ужасно надоѣло мнѣ, тѣмъ болѣе, что въ ней сидѣть даже было невозможно. Съ какимъ наслажденіемъ мы напились чаю, поужинали и посидѣли на песочекѣ до заката солнца. Когда солнце уже сѣло, мы поѣхали дальше, предполагая, что какъ нибудь къ полуночи доберемся до Чижапки, но въ Усть-Чижапку мы попали уже съ восходомъ солнца. Ночь была до десяти часовъ ясная, звѣзды блестали на небѣ, но къ одиннадцати часамъ небо опять затянуло тучами, на рѣкѣ отъ прибрежныхъ тальниковъ стало совсѣмъ темно. Надобно было ёхать очень осторожно, чтобы не набѣжать на какое нибудь плывущее дерево, или пень, такъ какъ при высокой водѣ и сильной быстринѣ, по Васюгану плыло множество валежнику. А тѣмъ болѣе быстринѣ Васюгана еще увеличилась отъ владенія въ него рѣчки Чижапки, которая своею водою и быстриной увеличила почти вдвое быстроту теченія Васюгана.

6-го августа съ восходомъ солнца мы попали въ Усть-Чижапку. На лѣвомъ берегу теченія Васюгана расположены четыре балагана изъ берестяныхъ тисокъ и въ нихъ теперь живутъ всѣ

жители. Это лѣтнія юрты, а зимнія расположены напротивъ, при впаденіи Чижанки въ Васюганъ, на лѣвомъ берегу Чижанки. Тамъ три плохонькія избушки и одна земляника (карамо). Въ нихъ теперь никто не живетъ, а оставшіеся дома инородцы живутъ въ лѣтніхъ юртахъ. Застиали мы уже ихъ всѣхъ вставшими, за утреннимъ чаемъ. Пока мои гребцы приготовляли чай и завтракъ, я заинтересовался тутъ работою одной женщины. Она спивала мѣхъ изъ бѣличныхъ лапокъ. И переднія и заднія бѣлички лапки спивались на ремешекъ изъ оленѣй шкуры, а потомъ эти ремешки спиваются вмѣстѣ, изъ нихъ выходить мѣхъ очень красивый и довольно прочный. Не видавши, никакъ нельзя узнать съ какого звѣра этотъ мѣхъ. Только работа очень медленная. Такіе же мѣха собираются здѣшнія инородцы изъ оленыхъ ушковъ, изъ лапокъ колонка, соболя, изъ соболиныхъ ушковъ и даже бѣличныхъ хвостовъ. Мѣха эти, нашиты на оленыхъ ремешкахъ, довольно прочны, красивы и продаются не слишкомъ дорого. Впрочемъ они болѣе шьются для домашнаго употребленія и купить ихъ можно только при случаѣ, когда инородцу необходимы деньги. Разумѣется, они понимаютъ восколько трудовъ обходится эта работа, и принимаютъ во вниманіе, сколько нужно напримѣръ употребить лапокъ бѣлки, чтобы собрать изъ нихъ полный мѣхъ, или одѣяло. Одѣяло изъ оленыхъ и лосиныхъ ушковъ можно купить за 8 рублей, такой же мѣхъ изъ соболиныхъ ушковъ уже продается не дешевле 40 рублей, изъ бѣличныхъ хвостовъ отъ 13 до 18 руб., а изъ лапокъ соболя и колонки отъ 45 до 50 руб., такъ какъ эти звѣри нынѣ попадаютъ въ Васюганской тундрѣ очень рѣдко.

Здѣсь въ берестяныхъ юртахъ совершенно негдѣ было остановиться. Эти балаганы изъ тисокъ, закрытые сверху только до половины для прохода дыму, почти не даютъ никакой защиты отъ дождя и вѣтра, а дымъ отъ огня, разложеннаго посрединѣ, ходить кругомъ, выѣдаетъ глаза и не дозволяетъ дышать свободно. Приходилось поневолѣѣ ходить до Каргальдаевыхъ юртъ, куда отъ Усть-Чижанки считается верстъ до пятидесяти. Моимъ гребцамъ необходимо было отдохнуть, потому что они были въ работѣ весь вчерашній день и эту ночь напролетъ. Поэтому я приговорилъ

одного инородца съ женой довести насъ до юртъ Каргальдаевыхъ съ тѣмъ, чтобы, когда они двое устанутъ, то ихъ могли бы замѣнить мои люди, которые къ тому времени могутъ отдохнуть и выпасться. Между тѣмъ стала накрапывать дождь и мы тотчасъ же послѣ чаю пообѣдали и отправились въ путь. Люди мои отдыхали въ кормовой части лодки, а инородецъ сѣлъ въ корму, посадивъ жену въ гребь. Хотя и моросиль дождикъ, но мы ѻхали часовъ до двухъ сначала старицею Васюгана, такъ какъ по ней почти нѣть быстринъ, а Васюганомъ очень быстро, хотя ѻзда старицею будетъ дальше верстъ на восемь, но за то легче гребцамъ. Тутъ почти на всѣмъ пространствѣ по обѣ стороны старицы Васюгана находится множество мелкихъ озеръ, но они всѣ теперь сплошь покрыты разливомъ Васюгана отъ ненастья и частыхъ проливныхъ съ самой весны дождей. Всѣ сора и озера затоплены и рыбаго промысла, которымъ прежде существовали Васюганскіе инородцы, нынѣшнее лѣто нисколько нѣть. Рыба изъ Васюгана вся разошлась по сарамъ и по разливу гуляетъ спокойно въ дравѣ, гдѣ ей не поймаешь никакой ловушкою.

Часовъ около двухъ по полудни, когда мы проѣхали старицу и вѣхали опять въ Васюганъ, инородцы-ямщики уже притомились и стали жаловаться мнѣ, что они очень проголодались. Нечего дѣлать, я разбудилъ своихъ гребцовъ и приказалъ готовить чай и обѣдъ, тѣмъ болѣе, что къ этому времени и дождикъ пересталъ. Пристали къ высокому берегу, покрытому густымъ тальникомъ, кое гдѣ наплели немножко сносную долянку, тутъ напились чаю и пообѣдали, а затѣмъ одинъ изъ моихъ гребцовъ сѣлъ въ корму, другое съ инородцемъ сѣли въ три греби, инородку же отправили въ кормовую часть лодки на отдыхъ и отправились далѣе. Верстахъ въ восьми, не доѣзжая юртъ Каргальдаевыхъ, въ правый берегъ Васюгана по его течею вдается чворъ. Это небольшая широкая рѣчка, устье которой весною инородцы запираютъ запоромъ и тутъ все лѣто и зиму промышляютъ рыбу. Хотя этотъ чворъ съ весны нынѣшняго года и залертъ, но какъ вода стоить въ рѣкѣ выше запора, то въ немъ теперь рыбы нѣть. По высокой водѣ ей свободно можно и входить и выходить

изъ запора. Часамъ къ 10 вечера, когда уже стемнѣло, мы пріѣхали въ юрты Каргальдаевы. Это до-пельзя бѣдныи и неопрятныи двѣ избушки и съ ними же вмѣстѣ два лѣтникъ берестяныхъ балагана. Напившись на берегу чаю, такъ какъ дождикъ уже пересталъ, и тутъ же поужинавши и накормивъ нашихъ нанятыхъ гребцовъ, мы отпустили ихъ и заснули въ лодкѣ до утра.

Утромъ 7-го августа встали на разсвѣтѣ. День былъ пасмурный, моросилъ дождь. Напившись только чаю, мы отправились въ путь, предполагая къ обѣду доѣхать до лѣтникъ Варгананжинихъ юртъ. На лѣвомъ берегу Васюгана по теченію, верстахъ въ десяти выше Каргальдаевыхъ юртъ, находится высокій, сажень до шести, не очень крутой берегъ бѣлаго песку и идетъ на протяженіи болѣе пяти верстъ. По бѣлизнѣ песку онъ называется бѣлымъ яромъ. Песокъ въ немъ немного смѣшанъ съ известью, но известковыхъ горъ здѣсь невидать вигдѣ. Здѣсь по бѣлому яру вверху мѣсто боровое и водится много глухарей, которыхъ мѣстные инородцы ловятъ петлями и продаютъ желающимъ отъ 7 до 8 коп. за штуку.

Около полудня доѣхали до лѣтникъ Варгананжинихъ юртъ. Это четыре лѣтнія, не на моху срубленныи избушки, даже безъ чуваловъ, негдѣ и обогрѣться. Сами жители грѣются вокругъ разведенного между избушками огня. И здѣсь мы не могли найти свѣжей рыбы по причинѣ многоводья Васюгана, пришлось довольствоваться опять чаемъ и солониною. Инородцы же сѣѣли даже всю свою, съ весны сушеную рыбу, ждутъ казенной барки съ хлѣбомъ, но она что-то запоздала и не везетъ хлѣба, а здѣсь уже наступаетъ совершенный голодъ. Тутъ мы услышали, что въ зимнихъ Варгананжинихъ юртахъ всѣ люди разѣхались по покосамъ и юрты совершенно пусты. Пообѣдавъ, мы поѣхали далѣе. Верстахъ въ трехъ вверхъ отъ лѣтникъ юртъ, съ лѣвой руки впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Варгананжинка, а потомъ, не доѣзжая верстъ двухъ до зимнихъ юртъ, съ правой уже руки впадаетъ рѣчка Патай. Въ зимнихъ юртахъ около девяти избушекъ, но всѣ онъ пусты и окна закрыты, но за то отъ самыхъ лѣтникъ юртъ вверхъ по обѣ стороны Васюгана мѣшаный лѣсъ и въ немъ въ

прогалинахъ покосы, и почти на каждой верстѣ до самой Усть-Нюрольки видишь у берега, гдѣ три, гдѣ два, гдѣ и одинъ обласокъ, и чутькия собаки съ берега встрѣчаютъ громкимъ лаемъ нашу лодку. Это семьи инородцевъ косятъ и ставятъ сѣно и пріѣхали тутъ вмѣстѣ съ своими ребятишками, оставивъ юрты совсѣмъ пустыми. Почти къ полуночи мы добрались до Усть-Нюрольскихъ юртъ. Юрты расположены въ самой рѣчкѣ Нюролькѣ и состоять изъ трехъ такихъ же жалкихъ лачужекъ, какія мы видѣли почти во всѣхъ юртахъ, съ дымными чувалами, грязью, копотью и въ добавокъ со сквознымъ вѣтромъ. Пришлось, напившись на берегу чаю, завалиться опять въ лодку и соснуть до утра.

Недалеко отъ устья Нюрольки на сѣверо-востокѣ, верстахъ въ 25-ти есть озеро Кыгыльтуры, оно около пятнадцати верстъ длины и до восьми ширины, въ немъ водится много рыбы и въ лѣтнюю пору тутъ пріѣзжаютъ пѣсколько инородцевъ съ своими семьями, располагаютъ по берегу его свои лѣтнія берестяныи жилища и промышляютъ рыбу. Близъ него находятся два маленькія безъимянныи озера, въ которыхъ водятся только караси. Рано утромъ, взявъ изъ юртъ проводника, я отправился осмотрѣть эти озера. Они лежать въ хвойномъ лѣсу, какъ бы на полянѣ. На берегу Кыгыльтуры расположились своими лѣтними жилищами до четырехъ семей инородцевъ, но жалуются на то, что добычи рыбы почти совсѣмъ нѣтъ. Добываютъ только, чтобы сварить и тотчасъ же сѣсть. Часамъ къ 4-мъ вечера мы воротились въ Усть-Нюрольку, пообѣдали и отправились далѣе въ юрты Солагичи. Верстахъ въ десяти вверхъ отъ устья Нюрольки, съ лѣвой стороны впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Юга-юганъ, а за нею недалеко по выше на правомъ берегу Васюгана идуть верстъ на пять скалы изъ ила, смѣшанного съ красною глиною. Эти скалы называются краснымъ яромъ. На верху яра по берегу, по мѣшаному лѣсу идеть узкое болото верстъ на пять длины, тутъ родится много клюквы и водится много болотной птицы, которая добываются инородцами. Птица идетъ для домашнаго употребленія, а клюква продается торговцамъ, заѣзжающимъ въ Васюганъ. Около 10 час.

вечера мы пріѣхали въ юрты Солагичи и, поужинавъ, почевали на берегу въ лодкѣ. Юрты Солагичи основались около тридцати лѣтъ назадъ, т. е. около начала 50-хъ годовъ и получили свое название отъ васюганского инородческого слова „слонокобль“, что значитъ ложь, или вранье. Дѣда нынѣшнихъ жителей, Николай Тейкинъ, проживалъ до 1850 года въ юртахъ Тейкиныхъ и ужасно любилъ вратъ или хвастать. Сынъ его Яковъ тоже деревялъ эту способность у отца. Когда же Николай съ Яковомъ и четырьмя внуками переселѣлся изъ Тейкиныхъ юртъ на это мѣсто и основалъ новыя юрты, то эти юрты окрестными жителями и были названы, по его способности вратъ, Солагичами. Да и настоящіе-то жители тоже не отстали отъ дѣда и они все любятъ вратъ и хвастать. Юрты Солагичи состоять изъ двухъ бѣдныхъ избушекъ съ чувалами, на лѣвомъ берегу Васюгана. Утромъ 9-го августа, около семи часовъ, мы выѣхали изъ Солагичей въ юрты Тейкины; дождикъ моросиль опять по осеннему и мы едва къ полудню добрались до Тейкиныхъ и, тутъ на берегу пообѣдавъ, отправились далѣе въ село Васюганъ. Въ Тейкиныхъ юртахъ одна избушка на правомъ берегу Васюгана. До села Васюгана зимнимъ путемъ здѣсь считается семь верстъ, но лѣтнимъ, отѣхавъ отъ Тейкиныхъ рѣкою верстъ пятнадцать, надоно своротить вправо и ѿхать такъ называемымъ „мучемъ“ еще верстъ около тридцати, а потомъ, подѣхавъ опять къ началу этого „муча“, еще верстъ семь ѿхать до села Васюгана. До начала „муча“ въ Васюганъ впадаетъ съ лѣвой стороны рѣчка Погбшина, да еще въ самомъ мучѣ рѣчка Югаѣгонъ—съ лѣвой же стороны. Въ село Васюганъ пріѣхали мы уже 10-го августа при восходѣ солнца и остановились у священника отца Петра Краснова, который принялъ насъ радушно и просилъ отдохнуть у него день или два. Слова нѣть, и для меня пріятно было послѣ пятнадцати-дневнаго путешествія въ лодкѣ, въ лежачемъ положеніи и остановокъ въ дымныхъ избахъ и берестяныхъ балаганахъ на вѣтру и дождѣ, провести хотя два дня въ настоящей комнатѣ.

Село Васюганъ расположено на лѣвомъ, высокомъ берегу рѣки

Васюгана, съ которого видѣнъ прелестный ландшафтъ всей низменности праваго берега, съ его островками, сѣнными лугами, березовыми и мѣшанными ярлысками. Село состоитъ изъ церкви, дома священника, псаломщика и вахтера, изъ запаснаго казенна-го хлѣбнаго магазина и четырехъ инородческихъ избушекъ, выстроенныхъ на русскій манеръ съ печами, а не чувалами. Казенныій домъ вахтера и общественные дома священника и псаломщи-ка довольно уже вѣтхи, имѣютъ только по двѣ комнаты съ кухнями, крыши на нихъ при порядочномъ дождѣ протекаютъ, въ стѣнахъ вездѣ щели и вѣтру есть гдѣ разгуляться на просторѣ. Хлѣбный магазинъ имѣть тѣ же самые недостатки и еще главный недостатокъ его состоить въ томъ, что онъ совершенно пустой, хлѣба въ немъ нѣть ни фунта при настоящемъ голодѣ жите-лей Васюгана и по неимѣнію промысла рыбы, по слуху много-водья Васюгана.

Два дня, 10 и 11-го августа, я пробылъ въ селѣ Васюганъ, такъ какъ надобно было изготовить запасы бѣлаго и чернаго хлѣба, которые у насъ уже истощились. 10-го числа день былъ облачный и свѣтито солнце. Около трехъ часовъ по полудни сви-щеникъ и церковный староста вызвали меня прогуляться на Шайтанскій мысъ, желая показать мнѣ достопримѣчательности села Васюгана. Этотъ мысъ находится на разстояніи не болѣе двухъ верстъ отъ села и о немъ сохранилось преданіе, что это одинъ богатырь, превращенный въ камень. Этотъ богатырь, имя его неизвѣстно, проживалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится мысъ. Во время своихъ путешествій богатырь гдѣ-то, близъ Тыма познакомился съ одною прислужницею-дѣвушкою (айми), состоявшую при одной изъ солнцевыхъ дочерей и полюбилъ ее, также и она полюбила его взаимно. Когда эта прислужница (айми) созналась ему, что и она взаимно любить его, тогда богатырь рѣшился увезти ее съ собою къ себѣ въ жены. Однажды ночью, тайно отъ солнцевой дочери онъ сѣлъ съ дѣвушкою на своего богатырского коня, который перепрыгивалъ рѣки, какъ ручейки, вѣзирался легче оленя на всякую гору и никогда не зналъ устатку, и направился въ путь. Между тѣмъ этого богатыря страстью по-

любила сама солнцева дочь, у которой находилась въ услуженій эта, увезенная богатыремъ, девушка. Замѣчал взаимную любовь своей прислужницы (айми) и богатыря, солнцева дочь однако не могла причинить ей никакого вреда, потому что на девушки постоянно было очарованное ожерелье изъ красныхъ стеклянныхъ бусъ, охранявшее ее отъ всякаго вреда и болѣд. Когда по утру солнцева дочь узнала, что ея айми—прислужница уѣхала въ ночь съ богатыремъ, котораго полюбила и сама солнцева дочь, тогда она обратившись въ дебедя, полетѣла въ догоню за бѣглыми. Богатырскій конь несъ своего господина съ невѣстою чрезъ рѣки, озера, горы и лѣса, не зная преграды, и находился недалеко уже отъ своего жилища, а солнцева дочь подъ видомъ лебедя слѣдовала за нимъ. Вдругъ нить, на которой были снизаны бусы очарованного ожерелья, порвалась и бусы разсыпались. Одно изъ зеренъ ожерелья запуталось въ гривѣ коня, другое же въ черныхъ густыхъ волосахъ невѣсты. Богатырь же, не имѣя у себя зерна бусъ этого ожерелья, тотчасъ же упалъ съ коня и превратился въ огромный камень, а конь съ девицей помчались далѣе по лѣвому берегу Васюганъ вверхъ, перепрыгивая рѣчки и другія преграды. За рѣчкою Лантыгомъ богатырскій конь перепрыгнулъ Васюганъ, спасаясь отъ преслѣдованія солнцевой дочери, а въ это самое время прижка и послѣднія зерна очарованного ожерелья упали въ воду и болѣе защиты не было. Конь перепрыгнулъ Васюганъ съ лѣваго берега на правый и врѣзался между скалами и вмѣстѣ съ бѣгункою превращенъ былъ въ двѣ скалы. И понынѣ между юртами Тимольгиними и Айполовыми, какъ разъ на половинѣ, на правомъ берегу Васюгана, показываются нѣсколько скалъ и одна изъ нихъ называется „Кохъ-пѣда“, т. е. конь камень, а другая рядомъ съ нею „Оги-кохъ“, девица камень.

Вѣка прошли, поэтическое преданіе объ каменѣломъ богатыря сохранилось между инородцами, а между тѣмъ времія, этотъ неустанный работникъ, дѣлало свое дѣло. Оно въ теченіи, можетъ быть, нѣсколькихъ столѣтій взыпало этого богатыря пескомъ и иломъ, воздвигло надъ нимъ цѣлую гору, усѣяло ее столѣтними деревьями и у подножія этой горы проложило русло рѣчки Ва-

рынъ-ѣгонъ, которая у самой горы владѣаетъ въ Васюганъ и образуетъ Шайтанскій мысъ своимъ крутымъ лѣвымъ берегомъ и крутизною берега Васюгана. Шайтанскимъ мысомъ эта гора названа, потому что въ прежнее времія на ней обитали нечистые духи, по васюгански „юнгъ“, по обски—лозъ, которымъ все-таки всѣ инородцы, уже незнаю почему, даютъ иногда татарское название „шайтанъ“. Здѣсь и въ настоящее времія не далѣе одной версты отъ села есть слѣды древняго поклоненія „юнгамъ“. Священничь и староста показывали мнѣ одно звѣйтное дерево, ель, называемое „юнгииюхъ“, посвященное здѣшнимъ духамъ, на вѣтвяхъ котораго, какъ и у нашихъ обскихъ инородцевъ, навѣшано множество подарковъ духамъ: ленточекъ, тесемокъ, тряпичекъ, большою частію краснаго цвѣта, звѣриныхъ шкурокъ, по нѣскольку аршинъ ситцу и другихъ недорогихъ матерій. Здѣшніе инородцы жалуются, что съ того времени, какъ въ Васюганъ стали набажать торговцы изъ Нарыма, въ особенности въ лѣтнєе времія на каюкахъ съ товарами, то набираемы ими для сплава каюковъ, ссыльные, узнавъ подобныя деревья, гдѣ приносятся „юнгамъ“ подарки и даже деньги, приходятъ ночью тайно къ этимъ деревьямъ и, не боясь миценія „юнговъ“, обираютъ приносимыя имъ дары и даже деньги, влагаемы въ щели корней этихъ деревьевъ. На этомъ же деревѣ, о которомъ я сейчасъ говорилъ, на Шайтанскомъ мысу виднѣе всѣхъ подарковъ духамъ выдается восемь аршинъ ситцу, привѣшанные осенью 1881 г. вахтеромъ Васюганскаго хлѣбнаго магазина, казакомъ Александромъ Соснинымъ. Въ 1881 г. всю весну и лѣто онъ страдалъ лихорадкою. Медицина немогла дать ему помощи, такъ какъ онъ не хотѣлъ содержать дѣти, а потому онъ и обратился за совѣтомъ противъ своей болѣзни къ извѣстному въ Васюганъ вороженцу, или шаману, „ель коссѣ“, и тотъ присовѣтовалъ ему повѣсить этотъ даръ духамъ на этомъ деревѣ. Вахтеръ Соснинъ привѣсилъ къ дереву свой подарокъ и съ тѣхъ поръ лихорадка бросила его.

Другая замѣчательная особенность Шайтанскаго мыса есть лиственница, обхватившая въ три толщиною, стоящая почти на самомъ склонѣ горы. На низкихъ вѣтвяхъ ея, вокругъ ствола прежде

быть настланъ поль и сдѣлано на немъ, что-то въ родѣ небольшаго амбарчика, гдѣ находился истуканъ духа, сдѣланный изъ дерева и одѣтый въ рубашку изъ оленевыхъ шкуръ. Къ нему было множество приношений отъ окрестныхъ инородцевъ, но съ годомъ тому назадъ этотъ амбарчикъ вмѣстѣ съ истуканомъ былъ перенесенъ на другое, неизвѣстное мѣсто, именно по той причинѣ, что ссыльные сплавщики каюковъ торговцевъ, также узнали о существованіи этого амбарчика, стали навѣщать его въ ночную пору и уносить съ собою приношенія духамъ. Нынѣ на этой лиственнице остался поль одинъ на настилѣ, а самъ амбаръ съ истуканомъ перенесенъ куда-то въ другое мѣсто.

На другой день гребцамъ моимъ нужно было исправить лодку, крыша которой въ некоторыхъ мѣстахъ протекала, и изготовить запасъ свѣжаго бѣлаго и чернаго хлѣба, такъ какъ до Айполо-выхъ юртъ, на разстояніи почти 900 верстъ, рѣшительно нѣгдѣ достать свѣжаго хлѣба. Тамъ же, въ Айполовыхъ юртахъ, при домѣ тарекаго торговца Федора Мефодіева Алексеева имѣется амбаръ съ мукою и оставленъ при домѣ приказчику, жена кото-раго могла приготовить намъ для запаса хлѣба и чернаго, и бѣлаго не по-остацки, а по-русски. Къ одиннадцати часамъ до полуночи 12-го августа и лодка была починена, и запасы изготовлены, и мы, напутствуемы благословеніемъ священника, отправились въ путь. День былъ морочный и моросилъ осенний дождикъ. До юртъ Кильсинахъ отъ села Васюгана хотя и считается тридцать верстъ, но извилинами и мучами Васюгана будеть болѣе пятидесяти. Часамъ къ 7-ми вечера мы остановились на одномъ выдав-шемся изъ воды песочкѣ, сварили чай и ужинъ и, покончивши, поѣхали далѣе. Ночью пошелъ сильный дождь, темно, пристать некуда и едва на разсвѣтѣ 13-го августа мы попали въ юрты Кильсина. Юрты состоять изъ одной бѣдной избушки на лѣвомъ крутомъ берегу и даже безъ чувала, а съ очагомъ посрединѣ избы, гдѣ разводится и огонь. Въ этой избушкѣ помѣщается одна семья инородцевъ, состоящая изъ четырехъ взрослыхъ и четырехъ малолѣтковъ. Здѣсь, напившись чаю, я панилъ старика съ двумя подростками 13 и 14 лѣтъ, довезти насъ до слѣдующихъ Пенир-

сихъ юртъ. Моимъ гребцамъ надо было отдохнуть, они были безъ сна и гребли всю ночь подъ сильнымъ дождемъ. Когда мои люди обсушили платье и обогрѣлись, старикъ инородецъ, посадивъ своихъ двухъ сыновей въ греби, сѣлъ въ корму и мы пустились далѣе. Въ двухъ верстахъ выше Кильсинахъ юртъ съ лѣвой руки впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Мемкакануры, идущая изъ болотной тундры Сургутского округа, Тобольской губерніи, а далѣе верстъ черезъ семь съ правой стороны впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Ыналынъ-игай однимъ устьемъ. Другое же устье этой дальней рѣчки впадаетъ уже вблизи Калкынцікъ юртъ, а близъ Пенирскихъ юртъ съ правой же руки теченія впадаетъ въ Васюганъ маленькая безъимянная рѣчка, гдѣ зимою жители Пенирскихъ юртъ ловятъ рыбу. Въ устье этой рѣчки они ставятъ морды, а когда рѣчка замерзнетъ и ледъ покроется снѣгомъ, то жители отправляются въ вершину рѣчки и топчать снѣгъ на льду. Этимъ топтаньемъ и своею тяжестью они отдавливаютъ ледъ и рыба бросается внизъ по рѣчкѣ къ устью и попадаетъ въ морды.

Въ сумеркахъ уже добрались мы до Пенирскихъ юртъ, но онѣ были совершенно пусты, всѣ жители были на покосахъ, а гдѣ ихъ искать? На правомъ берегу Васюгана пять маленькихъ избушекъ и всѣ онѣ заперты. Это и есть Пенирскія юрты. Мы рѣшились напиться на берегу чаю и поужинать, потомъ отпустить напятыхъ инородцевъ и пуститься въ путь до юртъ Калкынца. Развели костеръ огня, налились чаю подъ открытымъ небомъ потому что дождикъ пересталъ. Поужинавъ по-остацки прямо изъ котла и разсчитавши съ остатками, которыхъ также покормили съ собою, мы отправились дальше въ путь, хотя ночь была пасмурна и темна.

Проехавъ версты двѣ, мы добрались до устья рѣчки Альтымъ-игай, которая впадаетъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны. Эта рѣчка вытекаетъ изъ озера еще въ Тобольской губерніи и въ вершинѣ по выходѣ изъ озера, принимаетъ въ себя три рѣчки, а потому устье ея довольно широко и вода въ ней течетъ быстро. По быстринѣ Васюгана плыло множество валежнику и при ночной темнотѣ очень легко было паднуться лодкою на какую нибудь карагу и даже

пробить дно лодки; поэтому мы ёхали тихо и осторожно и только съ разсвѣтомъ 14-го августа добрались до другаго устья рѣчки Ыналынъ-игай, а потомъ, проѣхавъ еще около десяти верстъ, прїехали въ юрты Калкынакъ около полудня.

Юрты Калкынакъ состоятъ изъ восьми избушекъ такихъ же дымныхъ съ чувалами, какія были и въ прежнихъ юртахъ. Всѣ вообще жители жалуются на недостатокъ рыбы отъ многоводья Васюгана и на неимѣніе хлѣба, такъ какъ торговцы, наѣзжающіе къ нимъ, прїехавъ весною и взявши отъ нихъ зимній промыселъ, дали имъ немногого хлѣба въ долгъ, но этотъ хлѣбъ уже вышелъ. Въ настоящее же время въ Васюганскомъ магазинѣ хлѣба нѣть никакъ, и хотя въ Айоловскомъ магазинѣ есть еще хлѣба до 600 пудовъ, но этотъ хлѣбъ не выдается имъ вахтеромъ, такъ какъ онъ занѣдываетъ и Васюганскимъ и Айоловскимъ магазинами и ёхать въ Айоловы юрты для выдачи хлѣба ему лѣнъ, а отъ этого при неимѣніи лова рыбы имъ угрожаетъ голодная смерть.

Съ полудня небо прояснило и къ закату солнца 14-го августа мы выѣхали изъ Калкынака. Отѣхавъ версты полторы, мы увидѣли два устья рѣчекъ, какъ разъ одно противъ другаго. Это впадаютъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны рѣчка Калкынакъ, а съ правой Ярыкумбагъ. Къ сумеркамъ небо опять заводило тучами и сталъ накрапывать дождь. Часамъ къ десяти дождь пошелъ сильный. Спастись отъ него, или пристать къ берегу рѣшительно негдѣ, весь тальникъ затопленъ водою аршина на полтора. Пришлось ёхать подъ проливныхъ дождемъ до самаго разсвѣта. На свѣту уже мы доѣхали до устья рѣчки Макынъ-Яга, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны, а потомъ часамъ къ семи утра 15-го августа доѣхали до юртъ Мадуковыхъ. Утро было холодное. Мои гребцы положительно замерзли, дождь промочилъ ихъ до костей и они стучали зубами, какъ въ лихорадкѣ. Надобно было обсушить имъ платье и отдохнуть самимъ. Въ дымной избѣ возлѣ чувала расположились мы сушиться и грѣться. Юрты Мадуковыхъ расположены на лѣвомъ высокомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ трехъ избушекъ. Здѣсь мы напились чаю и приготовили обѣдъ. Когда пообѣдали и платье моихъ гребцовъ высокло, я от-

правилъ ихъ на отдыхъ въ кормовую часть лодки и нанялъ двухъ остиаковъ и женщину довезти наѣсъ до Кадыльскихъ юртъ и около полудня поѣхали далѣе.

На разстояніи 15-ти верстъ отъ юртъ Мадуковыхъ вверхъ съ лѣвой стороны впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Юнгъ-альджи-ури, и далѣе почти на такихъ же разстояніяхъ еще впадаютъ въ Васюганъ съ той же лѣвой стороны двѣ лѣсныя небольшія рѣчки Емынъ-юганъ (черемуховая рѣчка), и Валинъ-юганъ. Къ вечеру проѣхали половину разстоянія до Кадыльскихъ юртъ. Здѣсь на правомъ берегу Васюгана между нѣсколькими береговыми, песчаными скалами возвышается одна, сажень на пятнадцать и болѣе надъ поверхностью Васюгана, называемая „Сындакую“. На одномъ изъ верхнихъ уступовъ ея видѣнъ входъ въ древнее карамбъ, устроенное однимъ бывшимъ въ древности здѣсь шаманомъ, по имени Сындакую, отъ которого и гора получила свое название. Онъ жилъ въ этомъ карамбѣ, и при жизни его по ночамъ, проѣзжающіе по рѣкѣ, люди слыхивали, какъ онъ билъ въ свой бубенъ и громко сзываѣтъ къ себѣ своихъ юнговъ (духовъ). Многіе инородцы приходили къ нему сюда за советами для излеченія болѣзней и приносили ему богатые подарки. Шаманъ этотъ жилъ болѣе полутораста лѣтъ и былъ совершенно сѣдой, жилъ онъ одинъ и никому неизвѣстно, чѣмъ онъ питался. Послѣ его смерти не нашли его тѣла, между тѣмъ одежды его и бубенъ, по рассказамъ инородцевъ, и до сихъ поръ находятся въ этомъ карамбѣ. Желательно было мнѣ сходить на эту гору и осмотрѣть карамбъ, одежды и бубень шамана, но наступала ночь, поэтому осмотрѣ этой горы и карамбѣ я отложилъ до обратнаго пути. Проѣхавъ рѣчку Емынъ-юганъ, мы остановились на лѣвомъ берегу Васюгана и, выбравъ удобное мѣстечко, напились чаю и поужинали, а потомъ поѣхали далѣе. Мои отдохнувшіе гребцы пособляли посмѣнно нанять и къ утру 16-го августа мы добрались до Кадыльскихъ юртъ.

Юрты расположены на правомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ четырехъ избушекъ съ чувалами. Противъ юртъ, немногого выше впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Кадылька, въ верховыи своею состоящая изъ двухъ рѣчекъ Большой и Малой Кадыльки. Утро

было пасмурное, моросилъ осенний дождикъ, сильный юго-западный вѣтеръ пронизывалъ насквозь даже шубы. Здѣсь въ одной избушкѣ согрѣли чай, сварили въ котлы мяса и, закусивъ, отправились дальше въ юрты Тимольгинъ. Часамъ къ двумъ по полудни мы приѣхали къ лѣтнему становищу остяковъ, гдѣ они ловятъ рыбу. Тутъ на берегу расположены четыре берестяные балагана и живутъ четыре семьи остяковъ, но промысла, по слухамъ ненастя и многоводья Васюгана, почти нѣть. Впрочемъ предъ нашимъ прїѣздомъ сюда одинъ изъ остяковъ поймалъ до десятка щукъ. Я поторговался съ нимъ и онъ уступилъ мнѣ пару полуторааршинныхъ щукъ за два печенные хлѣба. Тотчасъ же мы сварили этихъ щукъ и поѣли съ аппетитомъ. Соленое мясо уже надоѣло и оно ѿлось только за неимѣніемъ другой пищи. Потомъ сѣли въ лодку и поплыли далѣе, а часамъ къ одиннадцати почти приѣхали въ юрты Тимольгинъ. Здѣсь, прикрепивъ лодку къ берегу, залегли спать въ лодкѣ до утра.

Утромъ 17-го августа мы проснулись на разсвѣтѣ и я послалъ своихъ грѣбцовъ будить кого либо изъ юрточныхъ жителей, и развести огонь въ чувалѣ, чтобы погрѣться. Ночь была довольно холодная, рѣзкій сквозной вѣтеръ пробиралъ даже подъ шубою, а утренній воздухъ влажный отъ моросившаго всю ночь дождя, невольно бросалъ въ дрожь. Когда разбудили остяковъ и развели огонь въ чувалѣ, я вышелъ изъ лодки и пошелъ въ избу погрѣться къ разведеному огню. Юрты состоятъ изъ четырехъ избушекъ съ чувалами и одной избы крестьянина изъ Тары, служителя тарскаго торговца Федора Алексѣева. Впрочемъ, хозяева этой избы уѣхали на страду въ Тару, они живутъ здѣсь временно и изба стоитъ запертою. Пока готовился чай и обѣдъ, я разговарилъ съ хозяиномъ избы о томъ, почему они не кладутъ въ своихъ избахъ русскихъ печей, отъ которыхъ бываетъ тепло на цѣлые сутки и нѣтъ такого Ѷдулага дыма, какъ отъ ихъ доморощенныхъ чуваловъ, которые хороши только въ землянкахъ, или карамахъ? На это онъ отвѣтилъ мнѣ, что едва-ли когданибудь даже и внуки ихъ заведутъ въ своихъ домахъ русскія печи. По стариннымъ вѣрованіямъ остяковъ, солнце и огонь есть двѣ до-

чери Бога, и Отецъ послалъ ихъ на землю, чтобы освѣщать и согрѣвать жителей земли. Огонь въ чувалѣ, это по ихъ мнѣнію какое-то священное дѣйствіе и никто изъ остяковъ не смѣеть бросить въ чувалъ избной соръ, или что-нибудь нечистое. При первоначальномъ установлѣніи чувала въ избѣ, когда изготовленъ для него очагъ и въ первый разъ раскладывается въ немъ огонь, тогда хозяйка дома должна бросить въ этотъ первый разведеный огонь нѣсколько красныхъ лоскутковъ, чтобы присутствующая невидимо въ чувалѣ Божья дочь хранила бы домъ отъ пожара. Въ случаѣ же лѣсного пожара остики берутъ семь аршинъ ситцу, непремѣнно краснаго цвета, на двухъ лучинкахъ выносятъ его изъ юрты навстрѣчу огню и съ низкимъ поклономъ кладутъ его на землю, чтобы огонь, принявши отъ нихъ подобную жертву, обошелъ бы мимо ихъ юрты. При этомъ онъ рассказалъ мнѣ слѣдующую легенду. Въ однихъ юртахъ были всего только два дома, и въ нихъ жили двѣ семьи. Хозяйка одного дома вела у себя чистоту, каждый день выметала въ избѣ соръ и выносила его на улицу. Хозяйка же другаго дома была неряшлива, рѣдко подметала въ избѣ, а если когда и случится подмети, то соръ лѣнилась выносить на улицу, а обыкновенно бросала его на очагъ чувала. Однажды, рано утромъ, госпожа чuvала изъ неряшливаго дома, въ своемъ красномъ платьѣ, пришла навѣстить свою сосѣдку, невидимую госпожу чuvала опрятнаго дома, и въ разговорахъ стала жаловаться на хозяйку своего дома, что она держитъ её (госпожу) въ нечистотѣ и всегда забрасываетъ соромъ. При этомъ она объявила своейсосѣдкѣ, что она намѣревалась минувшую ночь сдѣлать въ неряшливомъ домѣ пожаръ и сожечь его со всѣми хозяевами, но пожалѣла невиннаго младенца изъ опрятнаго дома, принесеннаго на нѣсколько дней въ неряшливый домъ, чтобы не сожечь его вмѣстѣ съ неряшливыми хозяевами. На это госпожа чuvала опрятнаго дома присовѣтowała ей, сожечь домъ съ хозяевами, только чтобы огонь обошелъ вокругъ того мѣста, гдѣ спить этотъ невинный младенецъ и не обжогъ бы его. Послѣ этого посѣщенія, въ слѣдующую ночь сдѣлалась въ неряшливомъ домѣ пожаръ и домъ вмѣстѣ съ хозяевами сгорѣлъ до тла, а только и

осталось то мѣсто, гдѣ спалъ невинный младенецъ изъ опрятнаго дома и этого младенца не коснулся огонь, оставивъ его живымъ, здоровымъ и спокойно спящимъ.

Послѣ чаю пообѣдавъ, мы сѣли въ лодку и отправились въ юрты Айоловскіе, до которыхъ отъ Тимольгинихъ юртъ водою инородцы считаютъ до семидесяти верстъ. Когда мы доѣхали до устья рѣчки Лантыгата, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны, сталъ опять моросить дождь. Въ этомъ мѣстѣ черезъ весь Васюганъ есть перекатъ, въ родѣ порога, саженъ на пятьдесятъ. Въ малую воду даже каюки протаскиваютъ тутъ волокомъ, а случись поболѣе барка, то тащать и воротомъ. Дно на этомъ перекатѣ идистое, а потому дно судна скользитъ по нему, чѣмъ облегчаетъ работу тянувшихъ судно людей. Къ вечеру добрались до устья рѣчки Кельватъ, которая впадаетъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны. Здѣсь устроено лѣтнее становище, три берестяные балагана, и три семьи осяковъ промышляютъ рыбу и ставятъ сѣно для своихъ лошадей. По случаю многоводья Васюгана промыселъ рыбы плохъ, только добываютъ, чтобы сварить и сѣсть. Сѣно же косятъ и ставятъ на высокихъ мѣстахъ и гривкахъ и то на подставкахъ (лабазахъ, какъ они называютъ здѣсь). Скошенную траву просушиваютъ, разбрасывая по верхушкамъ талъника и другихъ небольшихъ деревъ, а когда она высыхнетъ, то, подѣлжая на лодкѣ, собираютъ ее и складываютъ въ маленькие стога на лабазахъ. Здѣсь мы опять напились чаю и поужинали, гребцы мои обсушили промокшее подъ дождемъ платье и побѣхали далѣе. Рѣчка Кельватъ съ вершины своей принимаетъ въ себѣ слѣва рѣчку Юль-югатъ и справа Нянъ-югалъ и еще справа же рѣчку Кельвастъ-игатъ, которая вытекаетъ изъ озера съ южной стороны. Ночь была пасмурная и моросилъ дождь. Плыть надо было осторожно, чтобы ненаткнуться на какое нибудь плывущее дерево, а потому мы уже со свѣтомъ добрались до рѣчки Айполъ, впадающей въ Васюганъ съ правой стороны. Не доѣхавъ еще версты за двѣ до устья ея, въ правомъ берегу Васюгана высится нѣсколько скалъ, очень крутыхъ надъ берегомъ. Скалы эти песчаныя и о нихъ въ народѣ ходитъ преданіе, что на верху этихъ скалъ былъ нѣкогда

городъ. Неизвѣстно какое название носилъ этотъ городъ, но онъ былъ величъ и силенъ тѣмъ, что врагамъ подойти къ нему не было никакой возможности. Съ береговой стороны были сдѣланы рвы, а съ берега подниматься надобно было покрайней мѣрѣ до двадцати саженъ почти отвѣсно. Сами жители города, чтобы спускаться къ рѣкѣ, устроили себѣ лѣстницы изъ нѣсколькихъ десятковъ длинныхъ бревенъ, связавъ ихъ веревками одно отъ другаго по краямъ не далѣе трехъ четвертей аршина. Лѣстница эта, на случай осады, веревками могла подниматься вверхъ на вершину скалы, гдѣ была прикреплена къ двумъ врытыхъ въ землю столbamъ, и по надобности жителей опускалась по скалѣ до ихъ возвращенія въ городъ. Однажды татары вздумали овладѣть этимъ городомъ, выждали время, когда мужчины-жители города отправились куда-то по берегу и оставили опущенную лѣстницу неподнятою, съ большимъ числомъ войска подобрались къ лѣстницѣ и всею толпою бросились взбираться по ней къ верху. Въ городѣ оставались только однѣ женщины. Услышавъ шумъ внизу, онѣ посмотрѣли и увидѣли, что по лѣстницѣ взираются къ нимъ враги. Оставалось еще какихъ нибудь минутъ десять и татары взбрались бы въ городъ, но догадливыя женщины обрубили топорами веревки, прикреплявшія лѣстницу къ столbamъ, утверждѣннымъ на вершинѣ, и всѣ татары вмѣстѣ съ лѣстницѣ упали внизъ. Много тутъ погибло ихъ перемятыхъ бревнами лѣстницы, а которые спаслись отъ такой гибели, со стыдомъ убѣжали и болѣе уже не осмѣливались приступать къ этому городу. Скалы дѣйствительно, а въ особенности одна, на которой стоялъ городъ, такъ высоки и отвѣсны, что безъ лѣстницѣ невозможно взобраться на нихъ. Противъ устья рѣчки Айполъ построенъ на берегу рѣки Васюгана хлѣбный казенный магазинъ, а проѣхавъ еще версты четыре, мы часамъ къ девяти утра прїехали въ юрты Айоловскіе.

Юрты Айоловскія расположены на лѣвомъ высокомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ двадцати избушекъ осяцкихъ. Между ними двѣ церковнаго старости и его брата отличаются чистотою и имѣютъ въ себѣ русскія печи вмѣсто чуваловъ, а вмѣсто наръ

имъются столы и крашеные стулья. Кроме того въ юртахъ есть особый домъ и при немъ хлѣбный амбаръ, принадлежащий торгующему крестьянину Тарского округа дер. Киптовки Федору Мефодиеву Алексееву, который лѣтъ уже около двадцати производитъ торговлю по всему Васюгану хлѣбомъ, кругою и другими, даже красными товарами. Такъ какъ я уже въ селѣ Васюганъ познакомился съ церковнымъ старостою, но онъ еще оттуда не возвратился въ Айполовы юрты, то я и остановился въ домѣ его брата. Пріятно было остановиться не въ дымной избѣ, а въ чистой комнаткѣ, гдѣ можно было и отдохнуть въ волю. Да и намъ нужно было здѣсь взять въ запасъ печенаго бѣлаго и чернаго хлѣба, запасись и сухарями, потому что далѣе до вершины Васюгана и обратно, рѣшительно нѣгдѣ взять никакихъ запасовъ. Солонина же наша, взятая въ Нарымѣ, тоже истощилась, поэтому слѣдовало запасти, что нибудь и вмѣсто нея, тѣмъ болѣе, что мы уже испытали, что на промыселъ рыбы въ Васюганѣ надѣяться было нельзѧ, а сушеная рыба, которой въ Айполовыхъ юртахъ достать было и можно, ~~никуда~~ не годилась. Сушеная и вяленая безъ соли, она не имѣла никакого вкуса и была, какъ трава. Сдѣлавъ распоряженіе о заготовленіи всего этого, я принялъ распрашиватъ хозяина о ихъ житьѣ-бытьѣ, о достопримѣчательностяхъ этого края и преданіяхъ старины. Долго вели мы съ нимъ бесѣду. Уже солнце, которое съ полудня выглянуло и порадовало насъ, зашло, небо было ясное и обѣщало на завтра хорошій день. Вечеромъ мои люди доискались у работника торговца Алексеева свинью и барана, которыхъ я купилъ и предоставилъ имъ зарѣзть и, изрѣзавъ въ куски, опустить въ ту же кадочку въ разсолъ, гдѣ была наша солонина.

Изъ распросовъ, какъ моего хозяина, такъ и другихъ остатковъ, собравшихся вечеромъ въ мою квартиру, я узналъ: 1) что о перекатѣ, или порогѣ, чрезъ рѣку Васюганъ близъ устья рѣчки Лантынга, ходить между ними слѣдующее преданіе. Въ станицу, въ этомъ мѣстѣ, по обоимъ берегамъ Васюгана, другъ противъ друга, жили два богатыря и что они были ростомъ такъ велики, что вода въ Васюганѣ была имъ только до колѣна. Переходя

одинъ къ другому, они никогда выше колѣна не мочили ногъ своихъ и въ большую и въ полую воду. Вѣроятно, по здравому смыслу, эти богатыри были обыкновенные люди и такого же обыкновенного роста, но знали мѣсто этого переката чрезъ Васюганъ и проходили другъ къ другу, только омочивъ ноги до колѣна. Другимъ инородцамъ, можетъ быть, и казалось удивительнымъ, что они только до колѣна переходятъ такую глубокую рѣку, но какъ они не знали тайны этого переката, то и представили въ своемъ воображеніи, что эти люди—богатыри и необыкновенно огромнаго роста. А какъ въ то время жителей по Васюгану было еще очень мало, то и очень легко, что память объ этихъ двухъ человѣкахъ, знаявшихъ тайну переката, и сохранилась въ народной легендѣ. Да и самая-то легенда уже доказываетъ, что этотъ перекатъ существуетъ уже не одно столѣtie. 2) По рѣчкѣ Кѣльватъ, есть впадающая въ нее рѣчка Кѣльвасъ-игать, выходящая изъ озера. По берегу этого озера, каждую весну располагается своимъ станомъ одинъ крещеный тунгузъ со стадами оленей. Семья его состоитъ изъ жены, сына-подростка, лѣтъ четырнадцати, и двухъ взрослыхъ дочерей, у которыхъ праздничные рубашки обшиты бисеромъ и мѣдными крестами, какіе продаются у мелочныхъ торговцевъ. Самъ тунгузъ крещеный, но жена и дѣти его не крещены. Въ началѣ, или половинѣ іюля, онъ укладываетъ свой станъ, собираетъ оленей и перекочевываетъ куда-то, но куда неизвѣстно. 3) Повыше Айполовыхъ юртъ за три плеса есть рѣчка Вѣлинъ-игай, въ нее съ юга впадаетъ рѣчка Егъ, выходящая изъ озера Егъ-сигать. Западная часть этого озера отдана жителями юртъ Айполовыхъ въ кортомъ крестьянину Тарского округа Волгинской волости деревни Елизаровой Ивану Федотову Сѣдельникову, который выстроилъ тутъ на берегу озера себѣ избу и каждою осенью прїезжаетъ жить тутъ до весны для промысла рыбы съ товарищемъ своимъ, тоже таможнімъ крестьяниномъ, Васильемъ Трифоновымъ. Эти крестьяне оба старовѣры и у нихъ съ остатками всегда бываютъ непріятности, хотя пустыя, но все таки непріятности изъ за прорубей въ озерѣ. Туда же прїезжаютъ зимою для промысла рыбы и остатки изъ Айполовыхъ и Окон-

цугонцевыхъ юртъ. А какъ старовѣры изготавлиютъ для себя проруби въ озерѣ, чтобы имѣть воду для домашнаго употребленія, поранѣе, то остыки, любящіе вообще поболѣе соснуть, черпаютъ воду изъ ихъ же прорубей что для старовѣровъ кажется оскверненiemъ; потому крестьянамъ старовѣрамъ и приходится для каждого новаго ведра воды долбить новую прорубь. Впрочемъ большой ссоры отъ этого не происходитъ и теперь остыки черпаютъ воду въ старовѣрскихъ прорубяхъ только тѣ, которые прѣезжаютъ вновь или которые захотятъ подшутить надъ ними. 4) Между юртами Оконцугонцами и Кунтиками по правую руку Васюгана есть озеро Тухъ-Сигатъ. На этомъ озерѣ есть островокъ и на немъ сдѣланъ амбарчикъ на четырехъ столбахъ. Въ этомъ амбарчикѣ изстари до сихъ поръ хранятся прежнія остицкія куклы-идолы, „Ортыни-Пай“ (богатая баба) и двѣ ея прислужницы (айми). Ортыни-Пай сидитъ у одной стѣны амбарчика на маленькомъ возвышеніи, а обѣ прислужницы ея (айми) стоятъ по бокамъ возлѣ нея. Какъ сама Ортыни-Пай, такъ и прислужницы ея одѣты въ полотняныя рубашки, ушитыя бисеромъ и мѣдными блестящими вещицами. Сама Ортыни-Пай сдѣлана аршина въ полтора вышины, а прислужницы ея поменьше аршина. Передъ ней стоитъ низенький столикъ, на которомъ поставлена серебряная тарелка, изуврашенная разными черточками и кружками, какъ прежде украшались у остыковъ горшки изъ черной глины, иногда и въ настоящее время находимые въ землѣ. Есть преданіе, что у этой Ортыни-Пай былъ мужъ, родная сестра и семь сыновей и будто бы жили они тутъ всѣ вмѣстѣ. Мужъ ея отправился въ рѣчку Юганъ воевать съ тамошними дьяволами и оттуда уже не возвращался, вѣроятно, тамъ былъ убитъ на войнѣ. Сестра же Ортыни-Пай, молодая девица, когда у вдовы подросли сыновья, пошла въ рѣку Тымъ искать себѣ жениха и оттуда не возвращалась, можетъ быть тамъ она вышла замужъ. Ортыни-Пай очень уважается всѣми здѣшними и окрестными инородцами, какъ приносящая семейное счастье и удачу въ промыслѣ и ей приносится множество подарковъ. Амбарчикъ ея хранится въ чистотѣ и запирается замкомъ, ключъ отъ которого хранится въ одномъ

Айоловскомъ семействѣ и передается изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, уже болѣе двухсотъ лѣтъ. И теперь онъ хранится у Родиона Пачелкова, который въ настоящее время уѣхалъ внизъ Васюгана для сбора орѣховъ. 5) Близъ этого же озера Тухъ-Сигатъ есть другое озерко „Кайбгодете-эмтеръ“, соединяющееся съ первымъ рѣчкою. Недалеко отъ берега его въ густомъ лѣсу есть громадная пихта, у корня которой приносятся въ даръ „юнгу“ простыя деревянныя колотушки, которыми при промыслѣ рыбы бьютъ рыбь по головѣ. Каждый инородецъ, прѣезжающій сюда на промыселъ, обязанъ сдѣлать новую деревянную колотушку и положить ее подъ это дерево, въ подарокъ „юнгу“ (духу). Не сдѣлавшій такого подарка рискуетъ остаться вовсе безъ добычи. И действительно, говорятъ, такой остается вовсе безъ промысла, пока не принесетъ подъ дерево новую колотушку.

Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ провѣрить и удостовѣриться на мѣстѣ можно было только обѣ амбарчикѣ Ортыни-Пай и о пихтѣ, подъ которой приносятся въ даръ юнгу колотушки, таѣтъ какъ ни тунгуса, ни татарскихъ крестьянъ старовѣровъ въ настоящее время нѣть въ наличности. Но попасть на озеро Тухъ-Сигатъ можно неиначе, какъ изъ юртъ Кунтиковъ, прїдется только верстъ двадцать пять сдѣлать по лѣсу пѣшкомъ, а потомъ въ боласкѣ добраться до озера Тухъ-Сигатъ, а изъ него по другой рѣчкѣ до озера Кайбгодете-эмтеръ.

19-го августа часамъ къ одиннадцати до полудня запасы наши были приготовлены и уложены, сами мы пообѣдали и побѣхали далѣе въ юрты Оконцугонцы. Верстахъ въ восьми повыше юртъ Айоловскихъ впадаетъ въ Васюганъ съ правой стороны рѣчка Кулканджи-игай, а потомъ еще повыше, верстахъ въ трехъ съ лѣвой стороны, рѣчка Вѣлинъ-игай, въ которую впадаетъ рѣчка Егъ, текущая изъ озера Егъ-Сигатъ, половину которого содержитъ въ кортому старовѣръ, крестьянинъ Сѣдельниковъ. Къ тремъ часамъ небо опять покрылось тучами и пошелъ дождикъ, а часамъ къ одиннадцати ночи мы добрались до юртъ Оконцугонцевъ. Гребцы мои, будучи почти полсутокъ подъ дождемъ, пошли въ избу, чтобы обогрѣться и обсушиться и сварить ужинъ. Я же, не

желая ночью, въ потьмахъ, лѣзть на грязный, крутой берегъ, пред-
почель оставаться въ лодкѣ до утра.

Юрты Оконцугонцы расположены на правомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ четырехъ избушекъ съ чуралами. Напившись тутъ чаю и пообѣдавъ, мы отправились далѣе къ юртамъ Кунтикамъ. Плыть приходилось противъ быстрины теченія, а до Кунтиковъ разстоянія здѣсь считаются до шестидесяти верстъ. Верстахъ въ двѣнадцати отъ Оконцугонцевъ съ лѣвой стороны впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Еголь-ягъ, что по-остацки значитъ „луковой на-
родъ“, отъ словъ ёголь (лукъ дикий, полевой) и ягъ (народъ). Въ эту рѣчку съ сѣвера впадаютъ двѣ рѣчки Сулоягъ и Вѣлинъ-ягъ изъ двухъ озеръ того же имени Сулоэмтеръ и Вѣлинъ-эмтеръ. Эмтеръ по-остацки собственно значитъ озеро. Близь устья Еголь-
яги расположены два лѣтніе берестяные балагана двухъ семей, пріѣхавшихъ сюда промышлять рыбу изъ юртъ Айоловыхъ. Часамъ къ четыремъ по полудни мы доѣхали до рѣчки Сартынъ-
яга, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны и тутъ на высо-
комъ песчаномъ берегу сварили чай и ужинъ, такъ какъ ѿхать до
юртъ Кунтиковъ приходилось еще верстъ около двадцати пяти и
можно было разсчитывать доѣхать только утромъ, тѣмъ болѣе,
что ѿхать въ темную ночь нужно было осторожно, чтобы не на-
блѣжать на плывущій по рѣкѣ валежникъ. Уже сумерками мы ми-
новали устье рѣчки Игалъ-яга, которая впадаетъ въ Васюганъ тоже съ лѣвой стороны теченія его. Ночь было морочная и туман-
ная, а передъ разсвѣтомъ выяснило и съ восходомъ солнца 21
августа мы добрались до юртъ Кунтиковъ.

Юрты построены на правомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ пяти избушекъ. Въ одной изъ нихъ, которая была почище, мы остановились. Хозяинъ ея, сѣдой осльпшій старикъ лѣтъ восьми-
десати, но веселый и разговорчивый. Почему-то ему присвоено
уличное прозвище семипудовый, по всему видно, что онъ былъ въ
свое время толстякомъ. Прежде онъ считался шаманомъ и ворож-
цомъ, да и нынѣ тоже не прочь иногда попшаманиТЬ и поэтому
онъ человѣкъ состоятельный. Когда для меня и гребцовъ моихъ согрѣли самоваръ, я пригласилъ его напиться съ нами чаю, и онъ

явился къ намъ въ кафтанѣ изъ тонкаго сукна, и видно было, что онъ считаетъ для себя великою честью наше приглашеніе. По раз-
сказамъ этого старика, слышаннымъ имъ отъ своего дѣда, весь
Васюганъ заселился отъ девяти семей, пришедшихъ сюда изъ рѣки
Юганъ, впадающей въ Обь почти противъ Сургута. Это было тогда,
когда еще только основался Сургутскій городокъ и казаки обла-
гали всѣхъ остыковъ обременительными поборами. Эти девять семей
блѣжали отъ этихъ притѣсненій казаковъ на лыжахъ, прямо черезъ
лѣса и болота, и дошли до рѣки Васюгана, гдѣ нынѣ находится
село Васюганъ. Отсюда они бросились вверхъ рѣки Васюгана, хотя
казаки вовсе не преслѣдовали ихъ, но имъ хотѣлось забраться
куда нибудь подальше, чтобы непрошенные гости притѣснители
не могли бы добраться до нихъ. Отъ этихъ-то девяти семей и
разродились всѣ жители по рѣкѣ Васюгану до самаго устья рѣчки
Нюрольки. Оттуда же до самаго устья Васюгана уже живетъ
другое племя обскихъ инородцевъ, которые и говорятъ совершенно
отличнымъ отъ нихъ языкомъ.

Семипудовый стариkъ, на мои вопросы объ амбарчикѣ Орты-
ни-Пай и о приносимыхъ въ даръ юнгу колотушкиахъ, почти буквально
повторилъ мнѣ разсказы, слышанные мною въ Айоловыхъ
юртахъ и предложилъ мнѣ въ проводники своего внука, инородца
лѣтъ двадцати восьми, если я пожелаю осмотрѣть эти мѣста. Онъ
предупредилъ впрочемъ, что такимъ короткимъ днемъ невозможно
осмотрѣть оба эти мѣста, что придется взять съ собою запасу на
сутки, а въ случаѣ если придется ночевать, то нашъ проводникъ,
его внукъ, введетъ насъ ночевать въ свой промышленный станъ.
Такъ какъ время было еще около 9 часовъ утра и гребцы мои
уже изготовили обѣдъ, то я и рѣшился, пообѣдавши, тотчасъ же
отправиться осмотрѣть эти мѣста, воспользовавшись предложеніемъ
старика семипудового, тѣмъ болѣе, что и погода понемногу стала
выясняться.

Послѣ обѣда я взялъ изъ своихъ людей Смирнова, оставилъ
другихъ гребцовъ при лодкѣ, проводникъ взвалилъ себѣ на плечо
мѣшокъ съ небольшимъ нашимъ запасомъ, куда также положилъ
чайникъ и котелокъ, и мы отправились въ путь по лѣсной тро-

шинкѣ. Надобно было верстъ восемь пройти по этой тропинкѣ хвойнымъ густымъ лѣсомъ, чтобы добраться до рѣчки, по которой уже на лодкѣ, всегда имѣющейся тутъ на запасѣ, прямо пріѣдемъ въ озеро Тухъ-Сигатъ. Съ часъ шли мы этой тропинкой и дошли до рѣчки, она тутъ шириной сажени въ полторы. Развалили опрокинутую тутъ лодку, проводникъ сѣлъ въ корму, Смирновъ въ греби, а я помѣстился между ними на мягкому душистому сѣнѣ. Верстъ пятнадцать плыли мы по рѣчкѣ и вѣхали въ озеро Тухъ-Сигатъ. Оно почти круглое, въ диаметрѣ около девяти верстъ и посерединѣ его находится завѣтный островокъ. Часовъ около двухъ мы вышли на островъ, онъ тянется всего саженъ на двѣсти и покрытъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Посрединѣ его на небольшой полянкѣ довольно вѣтхій амбаръ на четырехъ столбахъ, съ одной стороны его дверь и окно, затворенное ставнемъ, дверь была заперта замкомъ. Проводникъ и безъ ключа обѣщалъ показать наружнѣсть амбара, онъ подѣлѣвъ подъ амбаръ, поднялъ внутрь одну крайнюю половицу, чрезъ отверзтіе ея вошелъ въ амбаръ и вынулъ запорку, держащую болтъ, которымъ запиралось окно. Потомъ, выѣзѣ изъ амбара тѣмъ же путемъ, отворилъ ставень окна и пригласилъ меня слѣдоватъ по его слѣдамъ подъ амбаръ и внутрь амбара и мы вошли внутрь. Сырой, затхлый воздухъ не жилой комнаты сразу показался мнѣ душнымъ. У одной стѣны на особой деревянной скамейкѣ посажена кукла Ортыни-Пай, по обѣимъ сторонамъ ея поставлены ея прислужницы (айми). Сдѣланы они просто изъ дерева, простой топорной работы, вместо глазъ, носа и рта сдѣланы углубленія и вычернены, на головахъ и всѣхъ ихъ мѣховые шапочки, бѣлые холщевые рубашки, отъ времени обратившіяся въ какія-то сѣрия, ушиты бисеромъ и мѣдными свѣтлыми бляхами, круглой и четвероугольной формы. Предъ истуканомъ Ортыни-Пай стоитъ маленький столикъ и на немъ серебряная, на манеръ десертной, тарелочка, куда кладутъ свои подарки пріѣзжающіе и приходящіе инородцы, какъ объяснилъ мнѣ мой проводникъ. Эта тарелочка изчерчена разными черточками и кружечками, непохожими впрочемъ ни на какія письмена, или іероглифы. По обѣимъ сторонамъ продольныхъ стѣнъ амбара

на полу накладены въ беспорядкѣ разные подарки, принесенные Ортыни-Пай почитателями ея и развернутые валяются въ беспорядкѣ, оставляя впрочемъ посрединѣ проходить до самаго столика, стоящаго предъ идоломъ. Подарковъ этихъ навалено около стѣнъ съ полу почти на аршинъ, но отъ сырости и затхлаго воздуха уже начали они гнить. Осмотрѣвъ все это, мы съ проводникомъ выѣзѣли опять изъ амбара, онъ попрежнему затворилъ ставень окна, заперъ его болтомъ изнутри и опустилъ по прежнему половицу, неоставивъ никакихъ слѣдовъ посѣщенія нами этого амбара. Мы опять сѣли въ лодку и поѣхали по озеру къ устью рѣчки, которая идетъ изъ озера Кайдгодете. Доѣхавъ до озера Кайдгодете, мы поѣхали озеромъ на западъ, пристали къ берегу и пошли къ завѣтному дереву. Въ полуверстѣ отъ западнаго берега озера, въ глухомъ хвойномъ лѣсу мы увидѣли цихту обхвата въ два толщиною. Вокругъ корня ея набросано множество деревянныхъ колотушекъ и эта куча колотушекъ достигаетъ вышины не менѣе двухъ аршинъ.

Солнце уже склонялось къ западу, мы сѣли опять въ лодку и по той же рѣчкѣ поѣхали опять въ озеро Тухъ-Сигатъ, на юго-западномъ берегу котораго находится промышленный балаганъ нашего проводника, гдѣ мы предполагали напиться чаю, поужинать и почевать на свѣжемъ сѣнѣ. Часамъ къ одиннадцати ночи мы пріѣхали къ стану. Этотъ станъ былъ настоящее осязаемое карамб съ нарами и чуваломъ. Тутъ развели въ чувалѣ огонь, согрѣли чай, сварили ужинъ и уснули на свѣжемъ сѣнѣ, принесенномъ нашимъ проводникомъ. Утромъ на зарѣ поѣхали дальше и часамъ къ 9-ти утра были уже въ юртахъ Кунтикахъ у радушнаго слѣпца семипудового, который распорядился, чтобы къ нашему приходу былъ бы готовъ самоваръ и мои гребцы приготовили бы обѣдъ.

Надобно было отъ Кунтиковъ щѣхать до Мукатаевыхъ юртъ. Инородцы здѣсь считаютъ разстояніе не верстами, а плесами, этотъ же станокъ до Мукатаевыхъ имѣть сто двадцать плесовъ, что не укладешь въ добрыхъ полтораста верстъ. Ходу здѣсь вверхъ противъ воды трое сутокъ, поэтому нужно было принанять двухъ

человѣкъ, чтобы они могли замѣнить моихъ гребцовъ, когда тѣ очень утомятся. Кромѣ того верстахъ въ пяти выше устья рѣчки Ягыль-яга есть волокъ, чтобы не юхать мучемъ. Въ этомъ мучѣ есть яръ, называемый Ярыхъ-милинъ, (ершовая заводь), въ глубинѣ которой и донынѣ будто бы водится Вехъ (мамонтъ). Онъ будто бы утягиваетъ въ воду и проглатываетъ пущенные здѣсь по водѣ чурбаны и можетъ проглотить и лодку неосторожно вѣхавшую въ эту заводь. Будто бы некоторые изъ инородцевъ видывали, какъ онъ поворачивается съ боку на бокъ въ этой заводи и при этомъ поворачиваніи его вода выходитъ изъ береговъ и крутится, какъ подъ мельничнымъ колесомъ. Слова эти, изъ самаго разсказа о мамонтѣ видно, что чудовище это вовсе несуществуетъ, а только находится въ воображеніи инородцевъ. Тутъ просто возлѣ этого яра находится омутъ, который втягиваетъ чурбаны и, можетъ быть, этотъ омутъ въ глубинѣ подрываетъ берегъ, а когда подроетъ и берегъ упадетъ въ воду, то естественно, что вода выступитъ изъ береговъ и кажется имъ, что переворачивается чудовище. Какъ бы то ни было, но мои гребцы не бывали по Васюгану дальше Айполовскихъ юртъ и плыть въ незнакомомъ мѣстѣ и чрезъ такой омутъ, можетъ быть, еще въ ночное время, казалось довольно опаснымъ. Поэтому я напялъ здѣсь двухъ инородцевъ для сопровожденія меня до юртъ Мукатѣевыхъ и около полуночи 22-го августа отправились далѣе въ путь.

Верстахъ въ пяти отъ Кунтиковъ вверхъ въ Васюганъ впадаетъ съ правой стороны рѣчка Кунтикъ, выходящая изъ озера. Часамъ къ 6-ти пополудни мы миновали устье рѣчки Ягыль-яга (березовые люди), которая впадаетъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны. Эту рѣчку и слѣдующую за нею Чертанлы я рѣшился осмотрѣть на обратномъ пути изъ вершины Васюгана, такъ какъ по нимъ обѣимъ есть юрты и живутъ инородцы. Теперь же, засвѣтло, мнѣ хотѣлось миновать Ярыхъ-милинъ (ершовую заводь) и тамъ уже, гдѣ нибудь, расположиться на берегу, напиться чаю и поужинать, да если будетъ возможно, то и заночевать. Къ 7-ми часамъ, уже по закату солнца, мы доѣхали до муча и, по указанію проводниковъ, пристали къ берегу, чтобы перетащить лодку

волокомъ. Волокъ этотъ низкимъ ложкомъ шель не болѣе двадцати сажень, но огибать рѣкою мучъ и страшный омутъ слѣдовало не менѣе пятнадцати верстъ. За волокомъ верстахъ въ пяти былъ крутой песчаный берегъ, на которомъ удобно было напиться чаю и поужинать. Здѣсь мы заснули въ лодкѣ до утра. И нѣтъ

23-го августа, на разсвѣтѣ, напившись только чаю и посадивъ запасныхъ гребцовъ въ греби, мы отправились далѣе. День былъ ненастный и моросиль дождь. Пообѣдали, недоехавъ до устья рѣчки Чёртанлы верстъ семь, потомъ опять пустились въ путь, а почевать пришлось въ промышленномъ карамѣ на лѣвомъ берегу Васюгана, верстахъ въ двадцати вверхъ отъ устья рѣчки Чёртанлы, оставивъ одного изъ гребцовъ моихъ въ лодкѣ для караула. 24-го августа послѣ полуночи приѣхали до устья рѣчки Анягъ, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны изъ возвышенного водораздѣла между Васюганомъ и рѣчкою Чёртанлы, покрытаго хвойнымъ лѣсомъ и тутъ пообѣдали. Рѣчка Чёртанлы, обѣгая на западъ этотъ водораздѣль, покрытый хвойнымъ лѣсомъ, вершиною своею почти сходится съ Васюганомъ; а изъ этого возвышенного водораздѣла, какъ въ Чёртанлы, такъ и въ Васюганъ впадаютъ многія рѣчки. Часамъ къ пяти по полуночи проѣхали устье рѣчки Ярегенбагъ, впадающей въ Васюганъ съ правой стороны, а часамъ къ десяти вечера добрались до юртъ Мукатѣевыхъ, гдѣ и почевали въ лодкѣ.

Юрты Мукатѣевы состоятъ изъ трехъ избушекъ съ чувалами и одного карамб и расположены на правомъ берегу Васюгана. Утромъ, напившись чаю, у чувала приготовили обѣдъ, потомъ отпустили напятыхъ изъ Кунтиковъ инородцевъ и часовъ около восьми 25-го августа пустились далѣе въ юрты Андрушкины. Часамъ къ двумъ по полуночи, проѣхавъ два устья рѣчекъ Калманы-югъ и Сыканъ-игай, впадающихъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны изъ возвышенного водораздѣла, мы приѣхали въ юрты Андрушкины. Въ юртахъ Андрушкиныхъ пять избушекъ и два карамб на правомъ берегу Васюгана. Тутъ живутъ семь семей, но теперь въ наличности только одна, всѣ прочие уѣхали еще въ іюнь къ устью Васюгана для сбора орѣховъ. Пообѣдавъ тутъ, мы поѣхали далѣе

до юртъ Колмаковыхъ. Къ сумеркамъ добѣхали до устья рѣчки Нюгосъ-ягъ, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны изъ того же возвышенного водораздѣла, а къ полуночи прїѣхали въ юрты Колмаковы.

Юрты Колмаковы раскинуты на правомъ берегу Васюгана и состоять изъ шести избушекъ, въ которыхъ живутъ восемь семей, но изъ нихъ теперь на лицо только двѣ семьи: старикъ инородецъ съ женой старухою и среднихъ лѣтъ инородецъ съ дѣтьми, женой и старикомъ отцомъ. Отъ нихъ я узналъ, что далѣе вверхъ по Васюгану теперь нѣтъ никого изъ жителей. Юрты Араклаевы въ 1877 году сгорѣли и съ того времени въ нихъ никто не живетъ; а въ юртахъ Инжинихъ только два дома, но обитатели ихъ мѣсяца два назадъ уѣхали внизъ по Васюгану на орѣшный промыселъ. Слѣдовательно щѣхать далѣе въ вершину Васюгана мнѣ не стоило, только нужно было знать откуда и какъ онъ береть свое начало и какія впадаютъ въ него рѣчки до самой вершины. На этотъ случай старики могли удовлетворить моему любопытству. Они нѣсколько разъ бывали въ вершинѣ его и знаютъ всю тамошнюю мѣстность, какъ свои пять пальцевъ. Въ самой вершинѣ Васюгана и вправо отъ начала его есть огромное болото, которое захватываетъ собою верховья рѣчки Чижалки и Парабели и соединяется съ болотомъ Шидеро-Бонъ уже у верховьевъ рѣчки Чай. Во время весеннаго разлива вся эта болотистая мѣстность силопѣ покрывается верстъ на триста водою и называется у мѣстныхъ и Тарскихъ жителей „Васюгanskимъ моремъ“. Въ краю этого болота, ближе къ вершинѣ Васюгана, есть чвръ, гдѣ промышляютъ рыбу. Въ концѣ чвра начинается мелкій хвойный лѣсъ верстъ на пять, по которому подъ мохомъ, а иногда и по поверхности моха, течетъ ручеекъ четверти въ три аршина. Это и есть Васюганъ. Пройдя мелкій лѣсокъ, Васюганъ теряется въ чистомъ болотѣ, а потомъ чрезъ одну версту показывается изъ болота уже рѣчкою въ аршинъ шириной съ крутыми въ половину аршина берегами, а далѣе становится все шире и шире, и верстахъ въ пятнадцати отъ вершины принимаетъ въ себя рѣчку Чопку, впадающую въ него изъ рѣки Тары. Отъ Колмаковыхъ

юртъ до вершины въ Васюганъ впадаютъ съ лѣвой стороны изъ возвышенного водораздѣла рѣчки Кынъ, выходящая изъ озера, Паварсанъ-ига, Малый Юнъ-юганъ, Большой Юнъ-юганъ, Юнгиль-ай-юга и Чопка, а съ правой стороны болотная рѣчка Юнъ-агынъ и Щайтанка. Изъ послѣднихъ по Васюгану Инжинихъ юртъ проложена сухопутно-проеzdная и санная дорога въ деревню Бочкаревку Тарского округа на разстояніи 70 верстъ и оттуда по этой дорогѣ тарскіе крестьяне привозятъ въ Васюганъ хлѣбъ и другие припасы и ведутъ мѣновую торговлю на рыбу и мясо.

Окончивъ распросы и получивъ помянутыя свѣдѣнія отъ стариковъ инородцевъ, я пообѣдалъ и около двухъ часовъ по полудни 26-го августа изъ Колмаковыхъ юртъ выѣхалъ обратно въ Андрушкины юрты, куда и прїѣхалъ вечеромъ. Здѣсь ночевали въ лодкѣ и утромъ 27-го августа поѣхали далѣе внизъ Васюгана къ юртамъ Мукатаевымъ, куда прїѣхали къ полудню, а къ вечеру въ потьмахъ уже добрались до устья рѣчки Чертанлы, гдѣ, расположившись на берегу, поужинали и заснули въ лодкѣ до утра. Назадъ, внизъ по теченію Васюгана, по быстринѣ щѣхать было легко и скоро, и то, что мы впередъ проѣзжали въ двое сутокъ, теперь проѣзжали въ одинъ сутки и даже менѣе.

28-го августа, утромъ, на разсвѣтѣ, мы поѣхали вверхъ по рѣчкѣ Чертанлы и, проѣхавъ версты двѣ, добрались до юртъ „Зыряны первые“. Здѣсь одна избушка на лѣвомъ берегу по теченію Чертанлы и она заперта, никого изъ жителей нѣть. День такой же дождливый, какъ и вчера. Поѣхали дальше. Верстахъ въ трехъ отъ „Зырянъ-первыхъ“ въ Чертанлы впадаетъ съ правой стороны рѣчка Патай-ягъ и отъ нея верстахъ въ десяти съ лѣвой стороны впадаетъ рѣчка Сигатъ съ безъимянною рѣчкою, выходящую изъ озера. Къ вечеру добѣхали до юртъ „Зыряны—вторые“. Онѣ на лѣвомъ берегу рѣчки Чертанлы и состоять изъ двухъ избушекъ. Гребцы мои подъ дождемъ измокли и скрѣпли, имъ надобно было обсушиться и отдохнуть, а потому мы рѣшились ночевать тутъ. Гребцы принесли мнѣ въ лодку ужинъ, такъ какъ дождь шелъ и сегодня и вчера и на берегъ выходить было и грязно и скользко.

29-го августа утромъ отиравились далѣе. Верстахъ въ двухъ отъ „Зырянъ—вторыхъ“ въ Чертанлы впадаетъ съ правой стороны рѣчка Нѣрканъ-юга и потомъ верстахъ въ трехъ съ лѣвой стороны рѣчка Сига-юганъ. Немного за полдень приѣхали въ юрты „Зыряны—треты“. Здѣсь одна избушка на правомъ берегу почти противъ устья рѣчки Яймай-юга, которая впадаетъ въ Чертанлы съ лѣвой стороны. Пообѣдавши здѣсь, отиравились далѣе. Ночевать мы добрались къ устью рѣчки Большаго Тугайбага. Съ лѣвой стороны рѣчки Чертанлы болотный водораздѣль между Чертанлы и рѣжкою Ягыль-ягомъ, а съ правой возвышенный водораздѣль между Чертанлы и Васюганомъ. Отъ „Зырянъ—третыхъ“ въ Чертанлы до Вилкиныхъ юртъ впадаютъ съ лѣвой стороны рѣчки Яймай-юга, Якуту-юга, Китяги-юга, Малый Тугайбагъ, Большой Тугайбагъ и Путембагъ, а съ правой стороны Круягъ и Айсосъ.

30-го августа утромъ поѣхали далѣе. День былъ нечастный, моросилъ дождь. Къ полудни доѣхали до юртъ Вилкиныхъ. Тутъ одна избушка на правомъ берегу Чертанлы; здѣсь пообѣдали, обсушались и уже къ полуночи добрались до Томыспаевыхъ юртъ. Отъ Вилкиныхъ до Томыспаевыхъ юртъ въ Чертанлы впадаютъ рѣчки съ лѣвой стороны Малый Макаланъ-юга, Большой Макаланъ-юга и Икачога-юга, а съ правой Кдркангу-ига, Раматъ-юга и Пульдунъ-юга. Юрты Томыспаевы стоять въ полуверстѣ отъ праваго берега Чертанлы и состоятъ изъ трехъ избушекъ, гдѣ помѣщаются четыре семьи. Отсюда проложена сухопутная дорога на восемьдесятъ верстъ до деревни Орловки Тарскаго округа, откуда крестьяне привозятъ сюда хлѣбъ и разные припасы и мѣняютъ на рыбу и мясо.

31-го августа утромъ, часамъ къ одиннадцати, мы пошли въ юрты Ай-игаль-пуголь, которые находятся верстахъ въ десяти отъ Томыспаевыхъ и существуютъ не болѣе шести лѣтъ. Здѣсь четыре избушки инородческихъ и одна крестьянская изъ деревни Черновки Тарскаго округа, но хозяинъ ея постоянно здѣсь не живетъ, и пашню свою въ деревнѣ Черновкѣ не бросаетъ. Зовутъ его Степаномъ, но фамилии его отъ инородцевъ я узнать не могъ.

Между Томыспаевыми и Ай-игаль-пуголь съ лѣвой стороны въ Чертанлы впадаетъ рѣчка Дай-игаль и уже за юртами Ай-игаль-пуголь верстахъ въ десяти выше съ правой стороны впадаетъ рѣчка Сартынъ-ягъ, имѣющая свое начало между рѣчками Кынъ и Паварсанъ-ига, впадающими въ Васюганъ. Далѣе же идетъ вершина рѣчки Чертанлы изъ болота, граничнаго Тарскому округу. Добравшись до того мѣста, гдѣ рѣчка Чертадлы имѣть ширину, чтобы можно было повернуть лодку, мы повернули назадъ, и къ сумеркамъ доѣхали до юртъ Томыспаевыхъ, гдѣ и ночевали.

1-го сентября, около десяти часовъ утра, мы поѣхали назадъ, внизъ по рѣчкѣ Чертанлы и къ вечеру доѣхали до юртъ Вилкиныхъ и здѣсь ночевали. Быстрина Чертанлы гораздо тише быстрины Васюгана, а потому ёхать, хотя и внизъ по рѣкѣ, было почти одинаково, какъ и вверхъ. 2-го сентября уже сумерками мы приѣхали ночевать въ юрты „Зыряны—треты“, а къ вечеру 3-го сентября доѣхали до устья рѣчки Чертанлы и съ утра 4-го сентября поѣхали уже внизъ по Васюгану. Съ самаго 30-го августа стояла нечастная погода и моросилъ дождь, немилосердно мочившій моихъ гребцовъ почти до костей, а вполнѣ обсушить платье имъ почти не приводилось.

4-го сентября, къ двумъ часамъ по полудни, проѣхали по Васюгану до устья рѣчки Ягыль-ягъ, (березовые люди, березовый народъ), а къ вечеру успѣли только доѣхать до устья первой, впадающей въ Ягыль-ягъ, рѣчки Ымли-юга, которая впадаетъ съ лѣвой стороны теченія, и тутъ започевали. Рѣчка Ягыль-ягъ въ своемъ теченіи очень тиха, даже тише Чертанлы, быстрины почти нѣтъ никакъ и ёдешь по ней, какъ по озеру. Впрочемъ и въ ней, какъ и въ Чертанлы и въ Васюганѣ вода большая отъ нечастыя и почти безпрерывныхъ дождей. По берегамъ Ягыль-яга, возвышающимся надъ водою не болѣе сажени, вмѣсто тальника ростетъ березникъ ровный, какъ будто одинъ годъ посаженный и не отъ этого ли она получила свое название Ягыль-ягъ (березовые люди), потому что тамъ съиздавна былъ и росъ только одинъ березникъ, а люди поселились тамъ еще не далѣе, какъ съ 1874 или 1875 года. Утромъ 5-го сентября проѣхали еще

устье рѣчки Сыркни-юга, впадающей въ Ягыль-ягъ съ правой стороны изъ болотнаго водораздѣла между Ягыль-ягомъ и рѣчью Чертанлы, а въ 10 часамъ доѣхали до юртъ Лесмировыхъ—первыхъ и тутъ приготовили обѣдъ. Юрты стоятъ на правомъ берегу Ягыль-яга и состоятъ изъ трехъ избушекъ, почти вновь выстроенныхъ и въ нихъ живутъ три семьи инородцевъ. Съ полудня отиравились далѣе и къ ночи, проѣхавши устье рѣчки Полномъ-юга, впадающей въ Ягыль-ягъ съ лѣвой стороны, остановились почевать на устьѣ слѣдующей рѣчки Каергай, впадающей слѣва же. Утромъ 6-го сентября, часамъ къ десяти, прїѣхали въ юрты Лесмировы—вторыя. Онѣ расположены на правомъ берегу Ягыль-яга, какъ разъ противъ устья рѣчки Эмтеръ-игаль, впадающей съ лѣвой стороны и берущей начало свое изъ озера. Здѣсь только одна избушка, выстроенная не болѣе двухъ лѣтъ назадъ. Далѣе до самой вершины Ягыль-яга впадаютъ въ него съ лѣвой стороны рѣчка Юнкульпорб-юга, а съ правой Большой Юнъ-югаль, Малый Юнъ-югаль и Комуюгаль. На устьѣ рѣчки Малаго Юнъ-югала стоитъ карамб и тутъ года два уже постоянно живетъ одна семья инородцевъ. Сюда мы доѣхали уже къ сумеркамъ, но далѣе не поѣхали, потому что тамъ ширина Ягыль-яга не превышаетъ трехъ сажень и заворотить нашу лодку невозможно. Утромъ 7-го сентября изъ Ягыль-яга поѣхали обратно и къ полудню 8-го сентября доѣхали до устья Ягыль-яга, гдѣ пообѣдавъ, поѣхали внизъ по Васюгану, а часамъ къ одиннадцати ночи прїѣхали въ Кунтики къ слѣщу семипудовому, миновавъ счастливо опять волокомъ страшный Ярыхъ-милинъ еще за свѣтло.

9-го сентября рано утромъ выѣхали изъ Кунтиковъ и часамъ къ тремъ пополудни доѣхали до устья рѣчки Еголь-яга. Здѣсь на берегу пообѣдали, а къ сумеркамъ попали въ юрты Айоловскіе, гдѣ провели ночь въ домѣ церковнаго старосты. 10-го сентября послѣ полудни попали въ Тимольгинъ юрты, а къ вечеру въ Кадыльскіе.

11-го сентября утромъ поѣхали далѣе. День былъ ясный. Часамъ къ одиннадцати до полудня мы добрались до горы Сында-кую, гдѣ въ старину по преданію жилъ извѣстный шаманъ этого

имени въ карамб, вырытомъ вверху на уступѣ скалы. Теперь время было удобное для осмотра скалы и карамб и мы пристали къ берегу. Пока гребцы мои приготовляли чай и обѣдъ я съ Смирновымъ отправился осматривать гору Сында-кую. Между нею и другою,сосѣдней съ нею съ правой стороны, скалею находится тропинка, по которой мы взобрались въ ущелье, поросшее хвойнымъ лѣсомъ. Ущельемъ по тропинкѣ мы поднимались около версты въ лѣвую сторону и вышли на площадку верхушки горы Сында-кую. На ней лѣсу не было и прелестный видъ открылся намъ на оба берега Васюгана. На нихъ обоихъ между мѣшаннымъ лѣсомъ, березникомъ и другихъ лиственныхъ породъ, виднѣлись небольшія озера, покосы съ поставленнымъ уже сѣномъ, красивые пролѣски, и все это было освѣщено солнцемъ, такъ уже давно нами невиданнымъ и только изрѣдка пригрѣвавшимъ настѣ въ теченіи почти всего путешествія. Подойдя къ береговой скалѣ площадки, мы замѣтили тропинку внизъ, ведущую въ карамб шамана. Входная дверь въ карамб была полуотворена, но въ самомъ карамб было темно. Надобно было освѣтить внутренность его огнемъ. Я вырвалъ изъ своей походной записной книжки листа три бумаги, свернувъ ея въ родѣ фитиля и зажегъ спичкою, но все-таки это не могло служить намъ факеломъ. Къ счастію мы увидѣли, валявшійся на полу карамб, вѣнчикъ изъ еловыхъ сучьевъ, какіе употребляются здѣсь вообще для метенія пола. Зажегши этотъ вѣнчикъ, можетъ быть, бывшій въ употребленіи болѣе ста лѣтъ назадъ, мы освѣтили карамб. На нарахъ, противъ чувала, лежали какія-то полуистѣвшія лохмотья изъ оленѣй шкуры. Неужели эти лохмотья и были одѣждою шамана? Ничего болѣе, кроме голыхъ стѣнъ и пустыхъ наръ, мы не нашли въ карамб. Нашъ факель-вѣнчикъ уже сталъ догорать и мы поспѣшили выйти во входную дверь, которую оставили также полуотворенною, какъ она была и прежде. Взшедъ на площадку горы, я снова полюбовался окрестностями, потомъ опять по тропинкѣ ущелья мы спустились внизъ, гдѣ уже готовъ былъ чай и обѣдъ. Часа въ три мы поѣхали далѣе, а къ ночи прїѣхали въ юрты Мадуковы, гдѣ и почевали въ лодкѣ.

12-го сентября къ ночи мы добрались до Пензирскихъ юртъ, а 13-го сентября къ ночи доѣхали до села Васюгана. Здѣсь нужно было приготовить запасы хлѣба, какъ чернаго, такъ и бѣлаго, потому что при всей быстротѣ ъѣзы до Нарыма надобно былоѣхать не менѣе десяти сутокъ, а наши запасы уже истощились. Оба предшествовавшіе дня были пасмурные, моросилъ дождь въ перемежку со снѣгомъ, надобно было поторопливаться, чтобы не замерзнуть въ Васюганѣ. Священникъ села Васюгана, отецъ Пётръ Красновъ, принялъ насъ по прежнему радушно, сообщилъ мнѣ много новыхъ срѣдній о Васюганѣ и жителяхъ его, о ихъ вѣрованіяхъ, суевѣріяхъ и обычаяхъ, и даже, пока я ъѣзжилъ до вершины Васюгана, составилъ словарь Васюганскаго языка и пода-рилъ его мнѣ. Пробывши одинъ день въ селѣ и приготовивъ запасу на дорогу, мы 15-го сентября, около одиннадцати часовъ утра, пустились въ путь.

Отъ села Васюгана внизъ въ трехъ плесахъ, въ большомъ мучѣ, есть скала вышиною по берегу до пятнадцати сажентъ, которую называютъ „Локкамъ-най“. Прежде, въ старину, по преданію, тутъ не было никакой скалы, а былъ ровный берегъ и на этомъ мѣстѣ жилъ въ карамбѣ (землянкѣ) одинъ инородецъ, имя котораго не сохранилось. Разъ, ночью, надѣ самымъ карамбѣ этого инородца послышалось ржаніе лошади. Онъ подумалъ: „кто бы могъ прїѣхать къ нему на лошади, когда въ то время во всемъ Васюганѣ еще не было ни одной лошади“ и вообразилъ, что это ржаніе ему почудилось, а потому и не вышелъ изъ карамбѣ. На слѣдующую ночь вновь послышалось ржаніе лошади и топотъ ея бѣга, какъ будто бы она бѣгала тутъ, вблизи его карамбѣ. На этотъ разъ онъ вышелъ и увидѣлъ золотаго коня, бѣгавшаго вокругъ его карамбѣ. Конь снова заржалъ и въ этомъ ржаніи послышался ему человѣческій голосъ, сказавшій: „лови и поймай меня и будешь счастливъ“. Оглушенный и ржаніемъ коня, и словами, послышавшимися въ этомъ ржаніи, инородецъ счелъ все это за наважденіе дьявола, съ которымъ ему не хотѣлось связываться, по-шелъ въ свое карамбѣ и заперся тамъ. На третью ночь онъ опять услышалъ ржаніе коня, только громче, какъ будто бы конь ржалъ

у него надѣ самымъ ухомъ, и вышелъ изъ карамбѣ. Конь, увидѣвъ его, снова заржалъ и ему опять послышались тѣ же слова „лови и поймай меня и будешь счастливъ“. И теперь онъ не рѣшился поймать коня, который уже самъ давался ему въ руки, ушелъ въ свое карамбѣ и заперся тамъ. На другое утро, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было карамбѣ этого инородца, возвысилась эта скала и по преданію была названа „Локкамъ-най“, т. е. золотой конь.

Уже вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, мы прїѣхали къ Тейкинымъ юртамъ и ночевали тутъ въ лодкѣ. Ночь была холодная и валилъ снѣгъ большими хлопьями. Утромъ проснувшись, мы увидѣли настоящую зиму. Весь берегъ и юрты были завалены снѣгомъ почти на четверть. Пшли въ избушку, тамъ обогрѣлись у чуvalа, напили чаю и поѣхали дальше. Хорошо, что хоть на самой рѣкѣ Васюганѣ не было снѣгу, онъ, падая, тотчасъ же таялъ на водѣ. Къ вечеру 16-го сентября мы добрались до юртъ Усть-Нюрольскихъ. День былъ пасмурный и моросилъ дождь, который согналъ весь снѣгъ и еще болѣе надѣлалъ грязи. Къ ночи 17-го сентября мы добрались до юртъ Каргальдаевыхъ, а вечеромъ 18-го сентября прїѣхали въ Усть-Чижапку. День становил-ся уже малъ, ночи становились темнѣе и намъ попеволь приходилось торопиться, чтобы здѣсь въ Васюганѣ не захватила насъ зима, напугавшая насъ въ ночь на 16-е сентября.

19-го сентября утро было ясное, вѣтеръ съ юга теплый. Солнышко обсушило и обогрѣло насъ и мы радовались, что кончи-лась зима, такъ рано захватившая насъ въ лѣтнѣмъ экипажѣ. Гребцы мои повеселѣли и принялись грести усерднѣе. Черезъ проточку миновавъ Наунакъ, часамъ къ пяти пополудни мы по-пали въ юрты Маргинъ, а къ полуночи въ Югины юрты. Ночевавъ тутъ и не много отдохнувши, мы по быстрии рѣки часамъ къ пяти по полудни 20-го сентября доѣхали до устья Васюгана. Здѣсь надобно былоѣхать вверхъ по Оби, по счастію ночь была тихая и утромъ 21-го сентября мы попали въ Каргасокъ, а къ ночи уже доѣхали до дер. Ильиной и тутъ отдохнули до утра отъ вчераш-ней безсонной ночи.

22-го сентября, часовъ въ девять утра, поѣхали далѣе и къ

сумеркамъ доѣхали до Нарыма. Утромъ 23-го числа я отпустилъ своихъ гребцовъ, разсчитавъ ихъ за цѣлыѣ два мѣсяца. Гребцы же, нанятые въ Каргасокъ и въ Югинихъ, обязались доставить въ юрты Югини лодку, кормомледную мною. Изъ Нарыма планировать въ село Новоильинское по позднему осеннему времени, казалось затруднительнымъ, такъ какъ пассажирскіе пароходы всѣ прошли и разѣѣ только оставались въ пути како-либо баксирные. Наудачу я поѣхалъ на пристань, справиться, не ждутъ ли како-либо парохода? Мнѣ сообщили, что въ пути изъ Тюмени въ Томскъ находится баксирный пароходъ „Рыбакъ“ и долженъ прибыть на Нарымскую пристань не позже 25-го сентября, гдѣ вольметъ до Томска купеческую кладь. Я рѣшился подождать его, чѣмъѣхать на земскихъ подводахъ четверо сутокъ въ открытой лодкѣ, подвергаясь всѣмъ непрѣятностямъ осенней погоды. 25-го сентября утромъ часъ въ восемь пришелъ ожидаемый, а для меня желанный, пароходъ „Рыбакъ“ и я помѣстился на немъ до Калпашевской пристани. Валиль снѣгъ бѣдышими хлоньями, берега Оби были покрыты сплошь снѣгомъ, какъ зимою, но на рѣкѣ шуги не было и утромъ 26-го сентября пароходъ благополучно прибылъ въ Калпашеву, а къ 3 часамъ пополудни я уже былъ дома въ селѣ Новоильинскомъ, прѣѣхавъ зимнимъ путемъ въ саняхъ на парѣ нанятыхъ лошадей.

Васюганская тундра идетъ по всей окружности рѣки Васюгана и впадающихъ въ него справа и слѣва маленькихъ и большихъ рѣчекъ, и, соединяясь болотами съ вершинами рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Парабель, Чарзанака, Чузака, Емельджи и Кенги и захватывая верховья рѣчки Чай, образуетъ почти круглую площадь, имѣющую протяженія съ запада на востокъ до 500 верстъ, а съ сѣвера на югъ до 400 верстъ, слѣдовательно составляющуѣ площадь, занимающую около двадцати тысячъ квадратныхъ верстъ. Эта площадь почти сплошь и рядомъ изрѣзана маленькими и большими рѣчками и озерами, имѣющими названія и безъ названій, глухими хвойными, кедровыми и мѣшанными лиственничными лѣсами, а на югѣ, почти вся сплошь покрыта не-

проходимыми болотами, которые во время весеннихъ разливовъ водѣ сливаются вмѣстѣ и сливутъ у мѣстныхъ инородцевъ и сѣдникъ крестьянъ Тарского округа подъ именемъ „Васюганскаго моря“.

Населеніе тундры незначительно, такъ что по всему теченію Васюгана и по рѣчкамъ Чёртанлы и Ягыль-ягъ, гдѣ я проѣхалъ, всего въ тридцати двухъ юртахъ, на протяженіи болѣе 2000 верстъ, живутъ 726 душъ обѣго пола, считая тутъ и малолѣтковъ. Всѣ они инородцы, но ихъ два племени. Одни изъ нихъ, начиная отъ вершины Васюгана, по рѣчкамъ Чёртанлы и Ягыль-ягу, внизъ до самаго устья Ниурольки, говорять однимъ изъ нарѣчій сургутскихъ остыakovъ. Другие же, отъ устья рѣчки Ниурольки, по рѣчкѣ Чижашѣ и до самаго устья Васюгана, говорятъ языкомъ обскихъ инородцевъ—низовскимъ нарѣчіемъ. Первыхъ изъ нихъ ученый путешественникъ Кастренъ приписываетъ къ племени остыakovъ, а вторыхъ къ племени остыakovъ-самоѣдовъ. Всѣ обитатели Васюгана живутъ въ срубленныхъ на мху избахъ, въ которыхъ вмѣсто русскихъ печей, направо или налево отъ входной двери, устроены чуваљи, умазанный глиною, внизу чувала устроенъ очагъ, на которомъ дрова ставятся стойма, какъ въ каминѣ, а вверху чувала въ потолкѣ прорубается отверстіе для выхода дыма. При такомъ чуваљи, когда горятъ дрова, по всей избѣ свѣтло и тепло отъ огня чувала, но невыносимо дымно, потому что дымъ не весь идетъ въ отверстіе трубы, но распространяется по всей избѣ, выѣда глаза. Труба чувала дѣлается обыкновенно изъ какого-нибудь дуплистаго дерева, или древесной коры, умазывается глиною и выходитъ въ верхнее отверстіе наружу на половину аршина, а въ случаѣ надобности отверстіе вверху закрывается доскою, чтобы тепло держалось въ избѣ. Хлѣбъ для себя инородцы приготовляютъ прѣсный, не толстыми продолговатыми хлѣбцами и пекутъ его на шаплыкѣ (вертельѣ) у огня чувала. Впрочемъ они не очень заботятся, чтобы хлѣбъ пропекся совсѣмъ „Горячо сырь не живеть“ говорить русская пословица и здѣсь инородцы зачастую єдятъ хлѣбъ сырой, но только горячий, также недожаренные на шаплыкѣ рыбу и мясо; но болѣе любятъ сырью, еще живую рыбу

и сырое досиное мясо. Для печеня кислого русского хлѣба они имѣютъ и русскую печь, но она устраивается не въ избѣ, а на улицѣ, такъ какъ у нихъ при избахъ дворовъ нѣть. Она устраивается на маленькомъ срубѣ, или на чёмъ-то похожемъ на скамью и сбивается продолговатою и узкою съ однимъ отверстиемъ, но бываетъ безъ трубы. Дымъ выходитъ въ то же отверстіе, куда кладутся дрова, когда же дрова перегорять и вся печь нагрѣется, тогда садять въ нее хлѣбы и отверстіе закрываютъ доскою, а эту доску пришираютъ палкою, упertoю въ землю впереди печи. Такая печь бываетъ одна на нѣсколько домовъ. Но эти избы съ чувалами и эти хлѣбныя печи для васюганскихъ инородцевъ есть только временное удобство. По наступлениіи весны и разливѣ воды, инородецъ собираетъ все свое имущество въ лодку, заколачиваетъ на глухо свою избу и со всей своей семьею ёдетъ куда-нибудь за двѣ и даже болѣе версты по рекѣ вверхъ, или внизъ, или располагается у какого либо озера. Здѣсь онъ ставитъ себѣ балаганъ изъ берестяныхъ тисокъ, живеть тутъ со всему семьею у постоянно разведенного огня и промышляетъ рыбу. Вотъ здѣсь для него настоящій рай, ему не надобно и дворца царскаго, не то что его дымной избы съ чуваломъ. Онъ здѣсь вполнѣ счастливъ и покойенъ. Попала ему рыба, онъ сварить полный котель, набѣтся до отвала со всему семьею, накормить и собакъ. Не попала рыба, ему и горя мало, въ другой разъ попадеть, а на этотъ разъ и онъ, и семья сидѣть голодомъ, даже собаки, видя что на огнѣ не висить котель, знаютъ, что хозяихъ не добыть рыбы и съ неудовольствиемъ, свернувшись, засыпаютъ, гдѣ-нибудь близъ бадагана. Въ обильный годъ изъ мелкой рыбы плотвы, ельцовъ и ершей они приготовляютъ такъ называемый порсъ. Вычистивъ рыбу, вѣдѣваютъ её на тоненькия палочки четвертей трехъ длины по нѣсколько штукъ. Палочки эти раскладываютъ на утвержденныхъ на стойкахъ жердяхъ, подъ которыми разводится небольшой огонь. Рыба и сушится, и кончится вмѣстѣ, и тутъ же поджаривается, и свѣжая, хорошо приготовленная, имѣеть вкусъ конченыхъ сельдей. Щука, окунь, язи и караси чистятся, распластываются и сушатся на солнце. Эта вяленая рыба считается у инородцевъ лакомымъ ку-

шаньемъ, хотя она сырая и безъ соли. Изъ свѣжихъ же рыбыхъ потроховъ они приготовляютъ особое кушанье, въ родѣ пастилы, называемое „варка“. Сбивая и смѣшивая вмѣстѣ всѣ потроха, сначала дѣлаютъ изъ этого тесто, потомъ, разсучивъ его, разрѣзываютъ на ремешки въ палецъ толщины и ширины и, обмакивая въ рыбий жиръ, поджариваютъ вмѣстѣ съ порсомъ. И вяленой рыбы, и порса въ обильный рыбью годъ инородецъ запасеть на свою семью почти на годъ, да еще продасть рублей на двадцать, или промѣняеть на хлѣбъ у торговцевъ.

Такой рыбный промыселъ продолжается до спаденія воды, а тогда этотъ же рыбопромышленникъ отправляется на той же лодкѣ на покосъ, косить сѣно. Лѣтъ уже болѣе десяти назадъ васюганские инородцы стали держать лошадей, такъ какъ стали болѣе и болѣе наѣзжать къ нимъ торговцы изъ Нарыма и Тары, и для перевозки тѣхъ имъ необходимы лошади, иногда наемные. Поэтому инородцы и завели лошадей, которыхъ съ весны до осени гуляютъ на подножномъ корму, а зимою собираются въ юрты. Впрочемъ и сами инородцы уже сознали удобство ёздить на лошадяхъ въ саняхъ, чѣмъ на собакахъ въ нартахъ. Это уже есть признакъ цивилизаціи.

Поставивъ сѣна сколько нужно по потребности скота, инородецъ, за неимѣніемъ другаго промысла, отправляется со всему семьею въ родимыя юрты, къ своему дымному чувалу и тамъ живеть до осени, если годъ не орѣшний. Когда нападеть снѣгъ и откроется саний путь, онъ тотчасъ же займется перевозкою домой въ юрты сѣна съ покоса. Окончивъ это, онъ исправляетъ свои звѣринные ловушки и собирается лѣсовать. Не всѣ впрочемъ инородцы звѣропромышленники, у другаго и нѣть достаточнаго количества ловушекъ; эти остаются въ юртахъ дома, промышляютъ рыбу и звѣря, гдѣ-нибудь, поблизости и обязываютъся наблюдать и кормить скотину тѣхъ, которые уѣхали лѣсоватъ далеко. Нашъ звѣропромышленникъ, поручивъ наблюденіе за скотиною кому нибудь изъ оставшихся въ юртахъ людей, запрягаетъ въ нарты собакъ, и сложивъ на нихъ свое имущество и ловушки, и взявъ всю семью, отправляется лѣсоватъ, т. е. промышлять лѣс-

наго звѣря. Выбравъ удобное мѣстечко въ лѣсу, онъ устраиваетъ свой походный домъ изъ берестяныхъ тисокъ, окружаетъ его для большаго тепла хвойными сучьями и вѣтвями, и приметываетъ все это снѣгомъ, какъ завалиною. Въ срединѣ этого балагана разводится огонь; здѣсь грыются и варятъ себѣ въ котлѣ мясо, или рыбу, что случится. Устроивши такъ свое жилище, инородецъ и всѣ взрослые въ семье отправляются въ разныя стороны отъ своего стана, осматриваютъ слѣды ходившихъ тутъ звѣрей и по примѣткамъ, известнымъ имъ, ставить и настораживаются свои ловушки на бѣлокъ, колонковъ, соболей и лисицъ. Потомъ, каждое утро осматриваютъ ловушки, собираютъ попавшихся звѣроковъ, опять настораживаются ловушки и каждый своюю дорогою возвращается въ свой станъ. По вечерамъ, отаявъ убитыхъ звѣроковъ, обираютъ съ нихъ шкурки, распиливаютъ ихъ на досщечки, приготовленныя для этого прежде, сушать, а высокшія уже подбираютъ по сортамъ и связываютъ десятками, сороками и сотнями. Выслѣживаютъ стада бродячихъ лосей, оленей, бьютъ ихъ изъ винтовокъ и ружей, на нартахъ привозятъ къ стану, сдираютъ шкуры, разѣпываютъ ихъ для просушки, а мясо лосей и оленей варятъ въ котлѣ, или жарятъ на шашлыкѣ (вертелѣ) и любятъ его есть не прожареное, чтобы въ немъ была бы еще кровь. Излишнее мясо, нарѣзывая мералое ломтиками, вѣдѣваютъ на шнурѣ, или саргу и сушатъ въ запасъ. Сушеное мясо частію вѣдѣть сами, а частію продаютъ торговцамъ, или вымѣниваютъ на хлѣбъ и другіе товары. Предъ концемъ зимы каждая семья звѣропромышленниковъ укладываетъ опять свое имущество и пушной промыселъ въ нарты и отправляются домой въ свои юрты, къ своему дымному чувалу, забравъ съ собою и берестяные тиски, нужныя послѣ для лѣтнаго промысла.

При первомъ вскрытии рѣки Васюгана инородецъ-промышленникъ нагружаетъ въ большую крытую лодку свое имущество и пушной промыселъ и отправляется въ село Васюганъ на ярмарку, которая бываетъ въ началѣ мая. Тутъ сѣѣжаются торговцы изъ Нармы, Каргаюка, Тымска и даже изъ Тарского округа съ верховьевъ Васюгана. Торговцы на перебой стараются вымѣ-

нить у инородцевъ звѣря, для этого поднашаютъ ихъ даже виномъ, взамѣнъ же звѣря даютъ имъ свой гнилой товаръ, ставя его имъ въ тридорога. Каждый изъ торговцевъ привозитъ сюда довольно вина и для себя и для тайной продажи его, впрочемъ продаются его не тайно и съ охмѣлѣвшихъ инородцевъ берутъ за бутылку, точно по таксѣ, отъ одного до полуторыхъ рублей. Инородцы на вино ужасно падки, пьютъ всѣ и мужчины, и женщины и малые ребята. Иной, едвѣ успѣши сдать ясакъ, прямо попадаетъ въ руки торговца-кулака и прошѣть ему весь свой промыселъ, не заплативъ даже казенной хлѣбной недоимки, безъ чего не имѣть уже права взять хлѣба изъ казеннаго запаснаго магазина. Поэтому остается безъ хлѣба и приходится ему, бѣдному,ходить по тѣмъ же самымъ торгашамъ, которые обобрали его, и просить у нихъ изъ милости хлѣба въ долгъ до нового промысла, для пропитанія семьи своей. Иной инородецъ, продавъ какому либо торговцу весь свой зимній промыселъ звѣря, беретъ отъ него не деньгами, а толромъ и возьметъ у него вещей, вовсе ненужныхъ для себя и семьи своей, а потомъ пропиваеть ему же и всѣ эти ненужныя вещи и пропиваеть, разумѣется за полцѣны. И если торговецъ привезетъ съ собою пять ведеръ вина на 30 рублей и будетъ продавать его по одному рублю за бутылку, то онъ за одно вино выручить сто рублей на тридцать, а если еще свой, проданный уже, но ненужный инородцу товаръ, будетъ брать отъ него же за полцѣны и за него давать виномъ же, то онъ за тридцать получить по крайней мѣрѣ двѣсти рублей. Недаромъ эти торговцы-мосольники и лезутъ въ Васюганъ, гдѣ толстѣютъ и разживаются, не даромъ же и всѣ васюганскіе инородцы бѣдны въ материальномъ отношеніи и черезъ свое чрезмѣрное пьянство и пристрастіе къ вину остаются на низшей степени нравственнаго и умственнаго развитія.

Весь высокій берегъ Васюгана у села полонъ народа, слышенъ гудъ отъ говора пьяныхъ, крики и даже драка. Ночью, тоже самое, развѣ только уже очень охмѣлѣший инородецъ приляжетъ гдѣ нибудь тутъ же подъ шумокъ народа. За то къ восходу солнца все спахнетъ, все спить тутъ же на берегу до полудня, все

тихо, только изредка раздается сильный храпъ, или пьяный-спящій инородецъ бормочетъ что нибудь со сна. Такъ продолжается здѣсь болѣе недѣли и, когда уже ни у кого изъ торговцевъ не останется вина ни капли, тогда всѣ разѣзываются по домамъ. И приходится инородцу такъ изъ года въ годъ пропивать весь свой промыселъ и съ каждой весны начинать опять ловить и сушить рыбу, а зимою промышлять звѣря. Очень и очень рѣдкихъ изъ нихъ можно назвать состоятельными, а прочие всѣ нищета и бѣдность; между тѣмъ ихъ звѣриный и рыбный промыселъ, даже въ средніе годы, могъ бы доставить всѣмъ имъ возможность жить въ довольствіи. Если бы не пристрастіе къ вину и не эксплоатація ихъ кулаками-торгашами, они всѣ жили бы не бѣдно.

Въ умственномъ развитіи всѣ вообще инородцы Васюгана находятся на первой ступени, не только цивилизациі, но даже разумнаго пониманія вещей. Они еще не вышли изъ границъ скотскаго инстинкта. Грамотныхъ между ними нѣтъ, хотя почти всѣ взрослые объясняются довольно понятно по-русски, что показываетъ ихъ способность къ образованію. Школы здѣсь нѣтъ ни одной, ни казенной, ни частной, но инородцы съ радостію стали бы учить дѣтей своихъ, если бы только кто нибудь взялся за это дѣло, кто бы взялъ отъ нихъ дѣтей, училъ бы, кормилъ бы и одѣвалъ бы ихъ во все времена ученія. Но этого сдѣлать, напримеръ, священнику невозможно, тогда нужно было бы обложить всѣхъ Васюганскихъ инородцевъ особымъ церковнымъ сборомъ на школу, но будетъ ли это законно и кто разрѣшить подобный сборъ? Необходимо присогласить ихъ самихъ къ этому и присовѣтовать составить приговоръ, на что имѣеть право и полную власть мѣстная администрація. При школѣ, можетъ быть, будущее поколѣніе васюганскихъ инородцевъ было бы способнѣе къ воспринятію цивилизациі. Между тѣмъ священники и псаломщики могли бы взяться безъ труда за обученіе мальчиковъ, такъ какъ служба въ церкви бываетъ рѣдко и они имѣютъ много свободнаго времени.

Лѣтъ двадцать назадъ весь народъ по Васюгану былъ еще на столько дикъ, что никто изъ жителей не только не говорилъ, но

и не понималъ по-русски. Въ началѣ 1860-хъ годовъ васюганскіе инородцы въ первый разъ познакомились съ russkimi, а особенно живущіе въ верховьяхъ Васюгана. Къ нимъ стали изредка пріѣзжать крестьяне Тарского округа близкихъ пограничныхъ деревень, для мѣновой торговли, привозили сюда муку, скотское сало, масло, иногда и скотекое мясо и вымѣнивали все это на рыбу, которой въ Васюганѣ водится много, и да мяча. Разумѣется, инородцы не знали цѣны привозимыхъ къ нимъ товаровъ и давали столько рыбы и мяча, сколько съ нихъ требовали. Всльдѣ за этимъ Тарские крестьяне стали ввозить въ Васюганъ инородцамъ и вино, чѣмъ развлекали ихъ. Это понравилось инородцамъ, а крестьянамъ еще болѣе, потому что торговля виномъ для нихъ была очень выгодна. Затѣмъ года черезъ два торгующій крестьянинъ Тарского округа изъ деревни Киптовки Федоръ Мефодіевъ Алексеевъ завелъ, по примѣру другихъ, съ васюганскими инородцами уже правильный торговыя спошенія, набѣжая съ мукой, крупой, разными припасами и краснымъ товаромъ два раза въ годъ, т. е. осенью по первому сѣнгу, послѣ рыбного промысла, и весною послѣднимъ зимнимъ путемъ, послѣ зим资料а звѣрина промысла. Онъ обиралъ у нихъ и рыбу и звѣря на мѣстѣ, прежде нежели они могли попасть въ другія руки и стать снабжать ихъ и хлѣбомъ, и припасами, и даже товаромъ въ долгъ до будущаго промысла. Проведя такъ дѣло года два, Алексеевъ сталъ забираться далѣе внизъ отъ верховьевъ Васюгана уже каюками, по водѣ, далѣе юртъ Тимолыгиныхъ. Онъ устроилъ на свой счетъ дорогу между Томыспасевыми юртами и деревнею Орловкою и въ послѣдствіи между дер. Бочкаревой и юртами Инжиними, и первый прошелъ каюкомъ изъ рѣки Тары въ Васюганъ рѣкою Чопкою. Конкурентовъ у него не было, да и могли ли простые Тарские крестьяне, старовѣры-лапотники, конкурировать съ нимъ? Поторговавъ такъ лѣтъ пятокъ и получивъ значительные барыши, онъ захватилъ въ свои руки весь этотъ край и неудержимо пустился далѣе села Васюгана до самаго устья, сталъ покупать товаръ въ Тюмени, доставлять его къ Васюгану пароходами, а тутъ развозить до верховья своими барками и каюками. Слова нѣтъ, Тарские

крестьяне, не смотря на конкуренцию Алексеева, не переставали ежегодно посещать вершины Васюгана, хотя не по ихъ силамъ было идти далѣе внизъ юртъ Мукатаевыхъ и рѣчки Чертанлы, но по проложеннымъ Алексеевымъ дорогамъ они все-таки ъездили и срывали въ Васюганѣ свои кусочки барыша.

Въ настоящее время типъ нового поколѣнія Васюганскихъ инородцевъ отъ вершины до Тимольгинскихъ юртъ почти измѣняется совершенно на чисто русскій типъ. Вместо коричневаго, загорѣлого лица и черныхъ волосъ съ черными глазами, очень часто у мальчиковъ и девочекъ включительно до пятнадцати лѣтъ, вы увидите бѣлое лицо, совершенно русскаго типа съ рыжими кудреватыми, или бѣлокурыми волосами и голубыми глазами. Это типъ уже не остыцкій. Если же принять во вниманіе, что въ прежнее время, да и нынѣ еще, между сургутскими остыками считается въ правилахъ гостепріимства „зайзжему гостю для ночлега предоставлять своихъ дочерей, или за неимѣніемъ ихъ, даже жену свою“ и религиозное правило нашихъ старовѣровъ: „если не согрѣшишь, то не въ чёмъ будетъ и покаяться“; тогда поневолѣ подумаешь, что это новое, подростающее поколѣніе есть помесь русской и остыцкой крови, что очень легко могло быть отъ ближайшихъ сношеній Тарскихъ крестьянъ-старовѣровъ съ васюганскими инородцами въ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Да и по слухамъ отъ инородцевъ, наши нарымскіе казаки, послыаемые вахтерами въ Васюганскій и Айполовскій хлѣбные магазины, тоже жили, какъ султаны, имѣли по нѣскольку женъ въ разныхъ юртахъ, что также способствовало измѣненію остыцкаго типа на совершенно русскій. Жаль только, что это новое измѣнившееся поколѣніе, принявъ отъ крови отцовъ и русскую силу и русскій смыслъ и, можетъ быть, еще многія качества русскаго человѣка, остается воспитываться, рости и жить въ остыцкихъ семействахъ, въ ихъ неряшлиности, въ ихъ вѣрованіяхъ, суевѣряніяхъ, предразсудкахъ и обычаяхъ. Если бы отцы этого нового поколѣнія селились тутъ же въ юртахъ, то это новое поколѣніе, находясь постоянно въ сношеніяхъ съ русскими ребятишками, переняло бы отъ нихъ много русскаго и впослѣдствій оцивилизовалось бы.

Но для отцовъ этого нового поколѣнія невозможно переселиться туда, гдѣ нѣть мѣста для пашни, къ которой они привыкли отъ дѣдовъ ихъ; а въ Васюганѣ только и возможна пашня въ юго-западномъ краю тундры, близъ Тарского округа. Остальное же все пространство вѣсною затопляется водою и начало пашни, даже въ южныхъ частяхъ тундры, затягивается до спаденія воды, до половины июня; и съ этого времени хлѣбъ не успѣваетъ не только созрѣть, но даже хорошенъко выростіи и околоситься.

Впрочемъ набѣзы Тарскихъ крестьянъ и въ особенности торговля по Васюгану Алексеева, сдѣлали то, что почти по всемъ юртамъ васюганские инородцы завели лошадей и стали заготовлять для нихъ лѣтомъ на зиму сѣно, чего прежде и не знали какъ дѣлать. Дѣйствительно инородцы, въ особенности въ верхней и средней части Васюгана, лѣтъ двадцать тому назадъ, лошадей ни одной не имѣли, да имѣть и надобности въ нихъ не было. Всѣ свои передвиженія и поѣздки они совершали въ лодкахъ водою, или въ нартахъ, запряженныхъ собаками. Когда же Алексеевъ проложилъ дороги и отъ него пошли обозы съ мукою, крупою и разными товарами по всему Васюгану, то ему понадобилось отвозить домой, въ Тару, собранную здѣсь рыбу и мяча, что составляло тоже немаленькие обозы, а для этого ему приходилось нанимать лошадей. Въ началѣ же взять ихъ было негдѣ и вслѣдствіе этого васюганские инородцы стали заводить у себя лошадей, научились дѣлать сани, сбрую и запрягать лошадей, да уже по пути научились какъ заготовлять для нихъ сѣно. Нынѣ по Васюгану почти рѣшительно во всѣхъ юртахъ есть лошади, рѣдкій инородецъ не имѣть одной лошади, но есть многіе, имѣющіе три, пять и даже десять лошадей. Въ тридцати двухъ юртахъ, посѣщенныхъ мною, лошадей состоитъ на лицо 208 штукъ, но за то коровъ только 14 штукъ и то въ однѣхъ юртахъ Югинахъ и въ самомъ селѣ Васюганѣ, считая тутъ же коровъ, имѣющихся у священника, псаломщика и вахтера. Овецъ же, свиней и козъ по всему Васюгану нѣть ни одной.

Инородцы Васюгана вѣдь вообще христіане; у нихъ есть и приходская церковь, гдѣ ихъ крестятъ, женятъ, отпѣваютъ, куда они, по большимъ праздникамъ и по случаю прїѣзда въ село, считаются обязанностю своею сходить помолиться и поставить предъ иконами нѣсколько свѣтъ. Но только въ этомъ наружномъ, обрядномъ отношеніи они и христіане, во внутреннихъ же своихъ вѣрованіяхъ они остались попрежнему идолопоклонниками-язычниками. По ихъ стаиннымъ вѣрованіямъ Богъ и дьяволъ есть два существа самостоятельные и оба одинаково всемогущи. Богъ всегда пребываетъ на небѣ, а дьяволъ въ своемъ подземномъ царствѣ; Богъ сотворилъ ангеловъ и все, что есть на землѣ, дьяволъ же сотворилъ подземный міръ и діаволовъ; Богъ творитъ на свѣтѣ добро, а дьяволъ зло, но ни тотъ, ни другой, другъ друга преобрѣтъ не могутъ. Богъ имѣеть семь сыновей и семь дочерей. Два сына его и двѣ дочери известны. Одинъ сынъ, который караулилъ на землѣ отверстіе, въ которое могъ проходить изъ подземнаго царства дьяволъ и прокараулилъ, дьяволъ обманулъ его. За это въ наказаніе Богъ превратилъ его въ ворона, питающагося падалью, поэтому остатки называются ворона „Торомъ-погъ“, т. е. Божій сынъ и еще „бѣллякъ“, т. е. дурачекъ. Другой же сынъ Божій—охотникъ. Богъ, творя звѣрей, сотворилъ лося о шести ногахъ, а охотнику—сыну Божіему, будучи на охотѣ, убилъ лося и отрубилъ у него двѣ ноги, чтобы людямъ легче было убивать четвероногихъ лосей, такъ какъ шестиногіе они бѣгали очень быстро. Богъ прогнѣвался за это на сына-охотника и сдунулъ его съ неба. Тотъ упалъ на землю и попалъ въ пустое, дуплистое дерево, гдѣ и замерзъ. Дочери Божіи известны только двѣ: солнце и огонь, т. е. свѣтъ и теплота, а прочие пять неизвестны, а также неизвестно есть ли и были ли у Бога и дьявола жены.

Ангелы и дьяволы, сътворенные Богомъ и дьяволомъ, облечены такимъ же тѣломъ, какъ и люди, но только у нихъ есть крылья. Какъ ангелы, такъ и дьяволы женятся, нарождаютъ дѣтей и живутъ семействами, ангелы на небѣ въ золотыхъ домахъ, изъ которыхъ есть оконечки на землю, откуда они наблюдаютъ, что дѣлается на землѣ и которая намъ, людямъ, кажутся звѣздами;

а дьяводы живутъ подъ землею въ городахъ. Назначеніе ангеловъ есть слѣдить за жизнью людей и направлять ихъ къ добру, а назначеніе діаволовъ направлять людей ко злу. Названія ангеловъ неизвестны, но нѣкоторыя названія діаволовъ известны. Такъ „Торомъ-юнкъ“—Божій дьяволъ, онъ караулитъ городъ, гдѣ живеть Богъ и бываетъ у Бога на посылкахъ, „вонтъ-юнкъ“—лѣсной дьяволъ, „кѣхъ-юнкъ“—каменный дьяволъ, „инѣ-юнкъ“—водяной дьяволъ, „мыгъ-юнкъ“—земной дьяволъ, „тугу-юнкъ“—огненный дьяволъ, „ярканъ-юнкъ“—полевой дьяволъ, „цѣль-юнкъ“—нижний, или подземный дьяволъ. Кромѣ этого у нихъ есть еще идолы, т. е. куклы, сдѣланныя изъ дерева, или камня, или мѣди и они полагаютъ, что въ этихъ идолахъ поселяется и дѣйствуетъ тотъ дьяволъ, имя котораго присвоено идолу. Такихъ идоловъ они держать, или у себя дома, или въ лѣсу въ амбарчикахъ, какъ я видѣлъ у озера Пэрель-ту и на островѣ озера Тухъ-сигатъ, и приносить имъ подарки, которые отъ времени тлѣютъ и гниютъ.

Васюганскій тундра въ административномъ отношеніи состоитъ изъ трехъ инородческихъ волостей: 1) Ларіатская волость отъ устья Васюгана до устья рѣчки Нюрольки заключаетъ въ себѣ шесть юртъ изъ 27 домовъ, съ населеніемъ 49 душъ мужескаго пола и 40 душъ женскаго пола (кромѣ юртъ по рѣчкѣ Нюролькѣ, куда я не єздилъ, но свѣдѣній не могъ дождаться, хотя и требовалъ ихъ). 2) Васюганская волость отъ рѣчки Нюрольки до самыkhъ верховьевъ Васюгана, Чертанлы и Ягыль-яга состоитъ изъ двадцати пяти юртъ и въ нихъ 105 домовъ, съ населеніемъ 334 душъ мужескаго пола и 289 душъ женскаго пола и 3) Чижапочная волость, отъ устья рѣчки Чижапки до вершины ея, состоитъ изъ однихъ посѣщенныхъ мною юртъ въ четыре дома съ населеніемъ 8 душъ мужескаго пола и 6 душъ женскаго пола. (Кромѣ юртъ по рѣчкѣ Чижапкѣ, куда я не єздилъ, но свѣдѣній не могъ дождаться, хотя и требовалъ ихъ). По словамъ же инородцевъ по Нюролькѣ, кромѣ Усть-Нюрольскихъ юртъ, есть еще три юрты съ восемью семьями и по Чижапкѣ, кромѣ Усть-Чижапочныхъ юртъ, есть еще пять юртъ, гдѣ живутъ тринацдцать семей.

Въ церковномъ же отношеніи Васюганской тундра дѣлится на два прихода: 1) отъ верховьевъ Васюгана внизъ до юртъ Варгананжинихъ всѣ жители считаются прихода Васюганской церкви, и 2) отъ юртъ Варгананжинихъ, по Чижапкѣ и до устья Васюгана жители причисляются къ приходу Каргасокской церкви.

Посѣщенія мною тридцать двѣ юрты по прибыли и убыли народонаселенія за послѣднія двадцать лѣтъ находятся въ такомъ отношеніи, что племя Васюганскихъ инородцевъ нельзя назвать вымирающимъ, какъ другія вообще сѣверныя инородческія племена.

Въ 1862 году было муж. пола 460, жен. 394 души.
1867 " " " 414, " 388 душъ.
1872 " " " 375, " 347 "
1877 " " " 387, " 333 души.
1882 " " " 391, " 335 душъ.

Въ двадцатилѣтній періодъ времени убыло мужскаго пола 69 душъ и женскаго 59 душъ. Между тѣмъ у обскихъ инородцевъ прихода Новоильинской церкви Большечурубаровской волости юртъ Водяныхъ въ 1862 году было мужскаго пола 62 души, нынѣ же, въ 1882 году, считается мужскаго пола только 4 души.

Въ производительномъ отношеніи Васюганская тундра вся почти существуетъ исключительно рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ и сборомъ кедровыхъ орѣховъ. По свѣдѣніямъ, взятымъ мною отъ торгующаго въ Васюганѣ крестьянина Федора Мефодіева Алексеева, во всемъ Васюганѣ ежегодно добываются:

бѣлокъ до 10,000 шт., по сред. цѣнѣ 15 к., на сумму 1500 р.
лисица " 25 " " " 5 р. — к. " 125 "
колонка " 500 " " " — " 60 " " 300 "
соболей " 150 " " " 5 " — " 750 "
оленей " 5000 " " " 1 " 90 " " 9500 "
лосей " 1500 " " " 6 " — " 9000 "
рыбы " 6000 пуд. " " " 1 10 " " 6600 "
орѣховъ " 4000 " " " 2 " — " 8000 "

Всего на 35,775 р.

Федоръ Алексеевъ ведетъ свою торговлю по всему Васюгану и забираетъ почти весь промыселъ Васюганской тундры. Ему

нельзя не знать промысла тамошнихъ инородцевъ. Онъ имѣть домъ, амбаръ для товара и приказчика въ юртахъ Айоловскихъ, въ Тимольгинихъ юртахъ онъ имѣть крестьянина работника для зимнихъ оборотовъ, въ сель Васюганѣ имѣть домъ, амбаръ для товара и работника крестьянина и сверхъ того въ Югинихъ юртахъ имѣть на квартирѣ постояннаго главнаго приказчика съ запасомъ муки, краснаго и прочаго товара. Изъ этого видно, что онъ завладѣлъ почти всею Васюганскою тундрою, вездѣ разставилъ свои сѣти и весь промыселъ инородцевъ рѣдко ускользаетъ изъ его рукъ. Онъ ежегодно ввозить въ Васюгань товару:

муки ржаной 10,000 пуд. по его продажн. цѣнѣ — 90 к., на 9000 р.
крупы ячной 500 " " " 1 р. 50 " 750 "
чаю кирпичнаго 10 ящ. " " " кирп. 1 " 50 " 900 "
сахару " 100 пуд. " " " фун. — 40 " 1600 "
аршиннаго товара " " " 5000 "
бродень, рукавицы и чирковъ " " " 600 "

Всего на 25,950 р.

Но кроме Алексеева въ Васюганѣ наѣзжаютъ торговцы изъ Каргасока: Сушкивъ, Рождественскій, Машукскій, изъ Нарыма—Колотовкинъ и еще трое другихъ, да при всемъ этомъ въ верховье Васюгана наѣзжаютъ вѣсколько Тарскихъ крестьянъ—старовѣровъ, производителей нового поколѣнія инородцевъ. Всѣ они, какъ эти наѣзжие торговцы, такъ и крестьяне по верховью, срываютъ съ Васюганской тундры свою часть барыша, неизвѣстную Алексееву и невидимо ускользающую изъ его рукъ. Эта часть барышаѣтъ, если не превосходитъ, до $\frac{1}{4}$ части промысла, показаннаго Алексеевымъ и во всякъ случаѣ должна доходить до 8000 руб., иначе не изъ чего было бы семи торговцамъ и десяткамъ двумъ крестьянъ посѣщать этотъ край. Слѣдовательно всю добычу Васюганскаго края можно опредѣлить покрайней мѣрѣ въ 43,000 руб.

Въ проѣздѣ мой я посѣтилъ 32 юрты съ 136-ю семьями и, по словамъ инородцевъ, по Нюролькѣ и Чижапкѣ находится 8 юртъ съ 21 семьею, слѣдовательно во всемъ Васюганѣ проживаютъ 157 семействъ инородцевъ и если всю добычу промысла раздѣлить

между ними поровну, то выйдетъ, что на каждую семью приходится промысла 273 руб. 88 $\frac{1}{2}$ коп., а на такія деньги всякая инородческая семья могла бы жить въ теченіи года очень бѣгато. Но промышляютъ инородцы не всѣ, одни промышляютъ только одну рыбу, другіе и рыбу и звѣра, третьи рыбу и орѣхи, одни добываютъ болѣе, а другіе менѣе, одни любятъ трудиться, другие польщутъся, а поэтому весь промыселъ невозможно распределить поровну на каждую семью и судить о потребности ихъ края и о ихъ сбереженіяхъ. Да эти сбереженія могутъ быть у очень и очень рѣдкихъ инородцевъ, которые по пристрастію своему къ вину пропиваются съ себя и необходимую одежду, а че то что излишки промысла, или денегъ.

000 000 Г. П. П. О. 01 отъимущихъ сар

Для прокормленія васюганскихъ инородцевъ, какъ неимѣющихъ своего хлѣбопашства, казна по рѣкѣ Васюгану содержитъ два запасныхъ хлѣбныхъ магазина: одинъ въ селѣ Васюганѣ и другой въ юртахъ Айоловскихъ, куда ежегодно доставляется на баркаль отъ трехъ до четырехъ тысячъ пудовъ ржаной муки. Магазины эти заведены казною уже давно и въ первое время существованія служили для инородцевъ, пожалуй, можно выразиться, благодѣяніемъ, а въ дальнѣйшее время служили для вахтеровъ средствомъ наживы. Въ давнее время инородцы Васюгана еще не зновали хлѣба и не ёдали его. Для нихъ достаточно было промысла. Поцадаль инородцу лось: снявши съ него шкуру, оставъ жарилъ мясо его на шашлыкѣ (вертелѣ), варили полный котель мяса въ котель и ёль до отвалу, и вся семья его была сыта до тѣхъ поръ, пока мясо лося не съѣдалось все до чиста. Когда неставало мяса, надобно было опять идти на промыселъ и если опять попадаль ему лось, или олень, то инородецъ считалъ себя вполнѣ счастливымъ и обеспеченнымъ на некоторое время. Попадали ему лисица и мелкие звѣрки: колонокъ, горностай, бѣлка, кротъ, простая мышь, летяга,—инородецъ со всѣхъ ихъ сдиралъ шкурки, выбрасывалъ внутренности и, поджаривъ на шашлыкѣ, ёль. Шкуры лосей оленей и всѣхъ мелкихъ звѣрковъ шли единственno для домашнаго употребленія, потому что кому про-

давать ихъ и по какой цѣнѣ инородцы не знали. Изъ мелкихъ звѣрковъ горностай не былъ употребляемъ въ пищу, такъ какъ мясо его имѣеть отвратительный запахъ, даже собаки не ёдятъ его. За неимѣніемъ звѣря инородецъ промышлялъ рыбу и, точно также очистивъ и выбросивъ внутренности, жарилъ на шашлыкѣ, или варили въ котель и питался. Съ большихъ рыбъ: щукѣ и налимовѣ инородцы всегда сдирали шкуры, высушивъ, выдѣлывали ихъ и сшивали изъ нихъ для себя платье, рубашки и штаны, изъ шкуръ же лосей, оленей и лисицъ сшивали для себя пубы, дохи, парки и обувь. Ни хлѣба, ни соли для нихъ не было нужно, да они и не знали и не видывали ни того, ни другаго. При ознакомлении съ русскими крестьянами инородцы нижней половины Васюгана попробовали русскаго хлѣба, но онъ имѣть не понравился, потому что не былъ такъ вкусенъ, какъ мясо. Когда же инородцы ближе ознакомились съ русскими, то стали продавать и вымѣнивать имѣть шкуры звѣрей, добытыхъ ими, а для этого стали промышлять не столько для пропитанія себя и семействъ своихъ, сколько для продажи и мѣны. Отъ этого чрезъ нѣсколько лѣтъ звѣри поубавилось много, онъ сталъ попадать рѣже и рѣже, и ознакомившись съ ловушками инородцевъ, стала избѣгать ихъ. Какъ бы то ни было, но потребность въ хлѣбѣ явилась въ Васюганѣ, разумѣется, сначала какъ въ подспоры къ промыслу, а потомъ эта потребность въ хлѣбѣ распространялась болѣе и болѣе. Вотъ, въ это то время казна и позаботилась о доставленіи васюганскимъ инородцамъ хлѣба и обѣ устроить запасныхъ магазиновъ, сначала въ селѣ Васюганѣ, а потомъ, когда въ хлѣбѣ стала чувствоватьться потребность по верховью Васюгана, тогда и въ Айоловскихъ юртахъ. Вахтерами въ эти магазины, какъ и вообще по всему Нарымскому краю, стали назначать людей изъ служилыхъ нарымскихъ казаковъ. Тогда были блаженныя старыя времена (присной памяти), когда всякий человѣкъ добивался тепленькаго мѣстечка, чтобы нагревать свои руки и набивать свои карманы, разумѣется, доставляя малую толику и ближайшему начальству. Казаки, назначаемые вахтерами, какъ люди служилые, опытные, тотчасъ же смыкнули, какъ и гдѣ можно пріобрѣсти выгоды

въ своемъ новомъ служеніи. Для инородца, получающаго изъ казеннаго магазина напримѣръ десять пудовъ хлѣба въ ссуду, ничего не стоить подарить вахтеру по одной бѣлкѣ за пудъ, т. е. десятокъ бѣлокъ. Да иногда и вахтеръ не въ духѣ, ему некогда отворить магазинъ до завтра, а чтобы не ждать до завтра инородцу, прѣхавшему за тридцать верстъ, лучше вмѣсто одной бѣлки за пудъ поднести вахтеру двѣ, авось смируется. Кромѣ того, вмѣсто выданныхъ какому нибудь инородцу десяти пудовъ, можно по книгѣ записать двадцать и эти излишніе десять останутся въ карманѣ у вахтера. Можно написать въ книгу пудовъ пятнадцать на такого инородца, который вовсе не бралъ хлѣба, и даже на такое имя, которое вовсе не существуетъ. Можно, проданный на наличныя деньги, хлѣбъ, поставить по книгѣ долгомъ, а деньги положить въ свой карманъ. Да и мало ли что можно сдѣлать служилому, опытному человѣку. Кто станетъ повѣрять съ натурою? тѣмъ болѣе, что Нарымскій край считался далекимъ краемъ, отдалѣннымъ засѣдательствомъ, а Васюганъ—краемъ, еще дальнѣйшимъ, куда ни одинъ исправникъ, или засѣдатель даже не заглядывалъ. Но зачѣмъ открывать завѣсу дальнѣйшихъ дѣйствій, этихъ служилыхъ людей, этихъ благодѣтелей васюганскихъ инородцевъ, вспоминать „дѣла давно минувшихъ дней, преданыя старины глубокой“. Многіе изъ этихъ служилыхъ людей и до сихъ поръ въ богоспасаемомъ градѣ Нарымѣ живы и, покрытые старческими сѣдинами и по поясъ бѣлыми бородами, пользуются всеобщимъ уваженіемъ всѣхъ согражданъ, какъ люди, умѣвшіе въ свое время воспользоваться удобнымъ случаемъ. Сибирская газета 1881 года огласила въ свое время дѣянія этихъ служилыхъ людей. Въ настоящее время на Васюганскихъ инородцахъ считается огромная хлѣбная недоимка отъ лѣта минувшихъ, на лицахъ, уже умершихъ безъ наследниковъ, на лицахъ, которыхъ брали хлѣбъ и уже давно уплатили, на такихъ, которые совсѣмъ не брали хлѣба и на такихъ лицахъ, которыхъ никогда не существовали въ Васюганѣ. И вся эта недоимка погрязла въ карманахъ вахтеровъ, бывшихъ отъ самого начала магазиновъ. Хотя местная администрація и входила не разъ по начальству о сло-

женіи этой недоимки, но высшая администрація, вѣроятно, не читавшая Сибирскую газету 1881 года, за великимъ множествомъ текущихъ дѣлъ, не рѣшается на это сложеніе, хотя взысканіе этой недоимки по справедливости слѣдовало бы произвести изъ имущества всѣхъ бывшихъ до настоящаго времени вахтеровъ въ Васюганѣ. Кромѣ того около шести лѣтъ назадъ черезъ нынѣшняго вахтера Соссина были отобраны отъ всѣхъ Васюганскихъ инородцевъ всѣ квитанціи въ уплатѣ ими хлѣбныхъ недоимокъ и представлены бывшему засѣдателю Усольцеву, для какихъ то справокъ. А подобная штука дала поводъ нынѣшнему вахтеру ловить рыбу въ мутной водѣ и недоимка все ростетъ и ростетъ, хотя сами инородцы отзываются, что ихъ старшинами каждую весну, при уплатѣ ясака, уплачивается ежегодно и хлѣбная недоимка минувшаго года.

Едва ли въ настоящее время хлѣбные магазины Васюганскій и Айоловскій не можно почтеть излишними, такъ какъ туда доставляется хлѣба очень достаточно Алексеевымъ и прочими торговцами. Казенные же магазины только тогда и хороши и доставляютъ истинную пользу, когда они могутъ вполнѣ конкурировать съ вольною продажею хлѣба. Но могутъ ли конкурировать наши Васюганскіе хлѣбные магазины съ Алексеевымъ, когда на 1882 годъ цѣна на хлѣбъ по стоимости назначена была изъ магазиновъ по 97 коп. за пудъ, а Алексеевъ съ воли продавалъ муку въ долгъ по 90 коп. и на наличныя деньги по 80 коп. Въ 1882 году къ веснѣ въ Васюганскомъ магазинѣ не было ни пылинки хлѣба, а въ Айоловскомъ хранилось до 600 пудовъ, но онъ не былъ выдаваемъ инородцамъ затѣмъ, что вахтеру было лѣть щѣхать водою изъ села Васюгана до Айоловскихъ юртъ около 800 верстъ, для выдачи хлѣба изъ тамошнаго магазина, а поэтому весь народъ въ Васюганѣ положительно голодалъ, ожидая или прїѣзда изъ Тюмени Алексеева, или прихода казенной барки съ хлѣбомъ. Въ концѣ августа Алексеевъ прїѣхалъ изъ Тюмени, а казенная барка съ хлѣбомъ такъ и осталась въ Нарымѣ. Подрядчикъ, который взялся доставить ее до Васюганскаго и Айоловскаго магазиновъ, обратился къ тому же Алексееву и просилъ его наполнить Васю-

ганскіе магазины своимъ запаснымъ хлѣбомъ, а хлѣбъ съ барки взять себѣ, взамѣнъ насыпаннаго въ магазинъ хлѣба. Съ подрядчиками просили очень дорого за сплавъ барки до села Васюгана и Айполовскихъ юртъ по причинѣ быстрины и многоводія Васюгана, да и по изобильному урожаю орѣховъ всѣ рабочіе бросились на добычу орѣховъ. Такая, ничтожная повидимому и очень простая, сдѣлка подрядчика съ Алексѣевымъ сдѣласть то, что хлѣбъ въ Васюганскомъ и Айполовскомъ магазинахъ достигнетъ въ 1883 году цѣны 1 руб. 50 коп., а Алексѣевъ свободно будетъ продаѣть хлѣбъ съ той же казенной барки по 90—80 коп. и даже дешевле, потому что онъ уже заручился барышами. Это ли есть конкуренція казны противъ торговцевъ? Нельзя ли назвать нынѣшнее существованіе хлѣбныхъ магазиновъ пособіемъ торговцамъ къ наживѣ. Какую выгоду могутъ доставить эти магазины инородцамъ, когда они могутъ всегда взять хлѣбъ у Алексѣева дешевле двадцатью копѣйками на пудъ и какая отъ нихъ выгода казнѣ, кроме вѣчно-накопляющейся недоимки, которая не имѣеть никакихъ обезпеченій ко взысканію. Гораздо бы лучше совершен-но уничтожить эти магазины и предоставить васюганскимъ инородцамъ кормиться хлѣбомъ отъ торговцевъ. Вѣдь, въ нынѣшній 1882 годъ, голодный по многоводію и недобычѣ рыбы въ Васюганѣ, казенные магазины нисколько не пособили инородцамъ въ голодѣ, а пособилъ имъ Алексѣевъ. Также пособилъ имъ и на 1883 годъ Алексѣевъ, наполнивъ эти магазины своимъ запаснымъ хлѣбомъ. И всегда имъ будетъ помогать Алексѣевъ, а ничуть не хлѣбные магазины, которые доставляютъ только выгоду вахтеру, завѣдывающему ими.

Н. П. Григоровскій.